

СОЧИНЕНІЯ

П. ГОЛУБОВСКАГО и Д. БАГАЛЪЯ.

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА

Ивана Линниченка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, д. № 1.

— 1883. —

Средняя Подъячская, № 90—1.
2479

Отдѣльные оттиски (въ числѣ 222-хъ экз.) изъ майской кн. Ж. М. Н. Пр.
за 1883 годъ.

П. Голубовскій. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Вып. II).

Д. Багалій. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Съ картою и рисунками. Историческая монографія (Сборникъ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра. Вып. IV. Кіевъ, 1882).

I.

Давно уже признана важность изслѣдованія исторіи отдѣльных мѣстностей или областей; но къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи этотъ родъ историческихъ изысканій еще не получилъ должнаго развитія. Нельзя поэтому не радоваться появленію всякаго новаго дѣльнаго труда по мѣстной исторіи, и по той же причинѣ нельзя не одобрить выбора темы, предложенной, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра и вызвавшей появленіе двухъ сочиненій, разбору которыхъ посвящена предлагаемая статья.

Сочиненіе г. Голубовскаго состоитъ изъ 12-ти параграфовъ, изъ которыхъ первый посвященъ очерку сѣверской колонизаціи, второй—обозрѣнію промышленности и торговли Сѣверской земли, а остальные десять—внѣшней исторіи Сѣверщины до половины XIV в. (при чемъ древнѣйшій періодъ сѣверской исторіи авторъ довольно удачно называетъ „Хазарскимъ періодомъ“).

Сочиненіе г. Голубовскаго производитъ весьма пріятное впечатлѣніе тщательностью, съ которою оно написано, хорошимъ и осмысленнымъ изученіемъ источниковъ, отсутствіемъ претензій, къ сожалѣнію, столь частыхъ въ трудахъ современныхъ молодыхъ ученыхъ,

научнымъ духомъ и любовью къ своему предмету. Автора можно упрекнуть только въ томъ предпочтеніи, какое онъ далъ внѣшней исторіи Сѣверской земли передъ внутреннею, и въ той краткости, съ какою онъ трактуетъ исторію Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV вѣка. Но что касается пераго указанного недостатка, то у автора есть оправданіе въ состояніи источниковъ исторіи Сѣверской земли за разбираемый имъ періодъ: главный источникъ для исторіи Сѣверской земли до половины XIII в.—древняя лѣтопись съ ея продолженіями — содержитъ въ себѣ весьма много данныхъ по исторіи внѣшнихъ политическихъ событій Сѣверщины, преемства князей, отношеній этой области къ другимъ, и пр., но весьма мало свѣдѣній о разныхъ сторонахъ внутренней жизни этой области. Другіе источники, помимо лѣтописи, даютъ весьма мало матеріала, да и пользоваться имъ нужно крайне осторожно. Такъ, касательно извѣстій арабскихъ писателей о Русскихъ Славянахъ авторъ (стр. 35) совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти извѣстія даютъ лишь общія мѣста, которыя трудно приурочить къ какому-нибудь племени Русскихъ Славянъ въ частности. Авторъ также мало воспользовался данными раскопокъ въ Сѣверской землѣ, но за это его едва ли можно винить. Намъ кажется, что прежде, чѣмъ пользоваться этими данными, слѣдуетъ опредѣлить національность того населенія, которому принадлежать могильные остатки въ Сѣверской землѣ. А это, какъ оказывается, далеко не пустой вопросъ. Антропологическія наблюденія надъ черепами, вырытыми изъ многихъ сѣверскихъ кургановъ (между прочимъ, и вблизи самаго Чернигова), приводятъ къ заключенію, что часть изъ нихъ принадлежитъ населенію не славянскому (см. объ этомъ интересныя данныя въ статьѣ А. П. Богданова: Курганные жители Сѣверской земли по раскопкамъ въ Черниговской губерніи, въ Протоколахъ антропологической выставки 1879 г.).

За то слишкомъ краткое обозрѣніе судьбы Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV в. должно быть поставлено автору въ вину; періодъ этотъ, исполненный бурь и тревогъ, внутреннихъ неурядицъ и внѣшнихъ бѣдствій, борьбы всевозможныхъ началъ общественной жизни, періодъ, совершенно внѣшній конецъ котораго представляетъ поглощеніе Сѣверской области Литвой, имѣетъ глубокий интересъ. Правда, данныхъ по исторіи Сѣверской земли за этотъ періодъ мы имѣемъ очень мало, но слѣдовало по крайней мѣрѣ, сколько возможно, собрать ихъ. Между тѣмъ авторъ не сдѣлалъ

этого и не воспользовался для означеннаго періода тѣми данными, которыя находятся въ синодикахъ. А этотъ источникъ содержитъ данныя, которыми можно провѣрить извѣстія родословныхъ списковъ, исполненныхъ ошибокъ. Однако, авторъ не принялъ во вниманіе ни того, ни другаго источника. Научный духъ, которымъ пренебрегнуто изслѣдованіе г. Голубовскаго, не позволяетъ думать, чтобъ автора остановили трудности изслѣдованія этого темнаго періода. Вѣрнѣе предположить, что срочность работы не дозволила автору обратитъ одинаковое вниманіе на всѣ части своего труда.

Обращаясь къ обзорѣ отдѣльныхъ частей труда г. Голубовскаго, замѣтимъ, что авторъ поступаетъ вполне рачительно, сообщая только конечные результаты тѣхъ изслѣдованій, которыми уже исчерпанъ предметъ. Авторъ понимаетъ хорошо, что задача всякаго научнаго изслѣдованія состоитъ не въ повтореніи чужихъ словъ, а въ провѣркѣ чужихъ выводовъ и въ обогащеніи науки новыми данными и выводами. Поэтому-то авторъ и останавливается лишь на спорныхъ вопросахъ или на такихъ выводахъ, которые недостаточно развиты его предшественниками.

Въ отдѣлѣ о сѣверской колонизаціи (стр. 1 — 26) авторъ держится того мнѣнія, что Сѣверяне принадлежали къ весьма древнимъ обитателямъ занимаемаго ими края, при чемъ придаетъ большое значеніе извѣстіямъ Птолемея о племени Саваре, Гвидона Равеннскаго о Саврикахъ. Въ этомъ случаѣ авторъ измѣнилъ своей обычной осторожности въ отношеніи къ темнымъ вопросамъ исторіи. Едва ли на одномъ созвучіи именъ можно строить прочныя доказательства. Что же касается до приуроченія нѣкоторыми позднѣйшими источниками (картой Певтингера и Гвидономъ Равеннскимъ) страны Saugica къ области Доа или народа Савриковъ къ мѣстности возлѣ океана (по автору, вѣроятно, Чернаго моря), то извѣстія эти (особенно послѣднее) слишкомъ неопредѣленны, даже въ территоріальномъ отношеніи. Авторъ полагаетъ, что подъ Савриками нужно понимать Сѣверянъ-Славянъ еще потому, что Гвидонъ называетъ это племя вмѣстѣ съ племенемъ Роксоланъ и Савроматовъ, а славянство Роксоланъ авторъ считаетъ доказаннымъ (стр. 3). Въ этомъ, однако, возможно еще весьма сильно сомнѣваться.

Нѣсколько непонятною кажется намъ фраза автора, что „Сѣверяне занимали свою территорію гораздо раньше предполагаемаго переселенія Славянскихъ племенъ съ Дуная“ (стр. 6). Авторъ, конечно,

хорошо знаетъ, что и сторонники лѣтописнаго извѣстія о переселеніи Славянъ съ Дуная не согласны между собою въ опредѣленіи времени этого переселенія. Впрочемъ авторъ замѣчаетъ далѣе (стр. 7, прим.), что судить о подобныхъ фактахъ почти не возможно, въ чемъ мы съ нимъ вполне согласны.

Еще дальнѣйшемъ изложеніи авторъ констатируетъ славянскія поселенія по Дону, Волгѣ и берегамъ Азовскаго моря, говоритъ о связи Тмутарокани съ Сѣверскою землею и опредѣляетъ взаимное положеніе племенъ Сѣверской группы.

Отмѣтимъ здѣсь лишь мнѣніе автора о томъ, что лѣтописная Бѣлая Вежа (хазарскій Саркель) могла быть первоначально славянскимъ поселеніемъ, „стоявшимъ на важномъ мѣстѣ у изгиба Дона, благодаря которому было важно по своему торговому положенію“ (стр. 8). Подчинивъ Сѣверянъ, Хазары перевели это славянское названіе буквально, ибо хазарское Саркель значитъ Бѣлый городъ. Подтвержденіе этой мысли авторъ видитъ въ лѣтописномъ извѣстіи подъ 1117 г. о переселеніи жителей Бѣлой Вежы въ Русь, въ Сѣверскую область, „что служитъ доказательствомъ славянства ея населенія и родства съ Сѣверянами“ (ib.). Едва ли эти доказательства достаточно убѣдительны: могло вѣдь быть и на оборотъ, что русскіе купцы перевели на свой языкъ названіе Саркель (вспомнимъ „Цареградъ“). Что же касается того обстоятельства, что въ 1117 г. Бѣловежцы бѣжали въ Сѣверскую землю, то это не можетъ доказывать ихъ славянства потому, что часто одни кочевники, тѣснимые другими, искали убѣжища на Руси; притомъ, въ виду существованія названій нѣкоторыхъ поселеній въ области прежнихъ Сѣверянъ („Козаричи“, „Козаровки“), едва ли можно сомнѣваться въ фактѣ колонизаціи Сѣверской земли отчасти и Козарами.

Нѣсколько загадочныхъ лѣтописныхъ бродниковъ авторъ считаетъ остаткомъ подонскаго поселенія Сѣверянъ.

Въ отдѣлѣ о промышленности и торговлѣ Сѣверской земли (стр. 26—35) авторъ сводитъ скудныя данныя лѣтописи, арабскихъ писателей и археологическія данныя относительно развитія промысловъ въ Сѣверской землѣ. Въ числѣ ихъ авторъ указываетъ на звѣроловство, птицеловство, рыболовство. Важную, если не первую роль въ числѣ промысловъ играло, по мнѣнію автора, земледѣліе.

„Изъ ремеслъ, на сколько можно судить по археологическимъ находкамъ, было довольно развито гончарное, бондарное, столярное“

(стр. 28). Изъ находимыхъ въ могильныхъ остаткахъ предметовъ нѣкоторыя металлическія издѣлія могли быть мѣстнаго производства. Въ результатѣ авторъ полагаетъ, что „еще до принятія христіанства были промышленныя сношенія со всѣми окрестными странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ были развиты промыслы, кипѣла дѣятельная жизнь“ (стр. 30).

Въ отдѣлѣ о торговлѣ Сѣверской земли авторъ отмѣчаетъ главные пути этой торговли—южный и восточный. Что касается торговли южной (съ Византіей), то не смотря на всю ея выгоду, Сѣверяны сильно стѣсняла въ этомъ отношеніи конкуренція Полянъ, во власти которыхъ находился главный пунктъ южнаго торговаго пути Сѣверянъ—устье Десны. За то важное значеніе для Сѣверской земли имѣла торговля восточная съ Болгарами, Хазарами и Арабами чрезъ рѣки Донъ и Волгу. Главными торговыми центрами здѣсь были Итиль, хазарская столица, и Тмутарокань, самое существованіе которой обязано развитію въ этой мѣстности торговли (стр. 33).

Посредникомъ торговли съ Азовскимъ и Чернымъ моремъ авторъ считаетъ Курскъ (стр. 34), посредникомъ болгарской торговли—Муромъ (стр. 35).

Лучшею частью изслѣдованія автора слѣдуетъ признать тотъ отдѣлъ его, который занимается внѣшнею исторіей Сѣверской земли до половины XIII в. Авторъ тщательно собралъ лѣтописныя данныя о судьбѣ Сѣверщины, удачно ихъ группируетъ, старается вездѣ проникнуть въ самый смыслъ событій, даетъ характеристики отдѣльных, наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Сѣверской земли, внимательно слѣдитъ какъ за событіями внутри самой Сѣверской земли, такъ и за отношеніемъ этой области къ другимъ частямъ Руси.

Мы не станемъ подробно слѣдить за изложеніемъ автора въ этой части его труда. Факты, излагаемые имъ, болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ занимающимся древнимъ періодомъ нашей исторіи. Отмѣтимъ лишь нѣсколько наиболѣе оригинальныхъ воззрѣній автора—какъ тѣ, которыя мы признаемъ удачными, такъ и тѣ, съ которыми мы согласиться не можемъ.

Къ числу удачныхъ, по нашему мнѣнію, гипотезъ, слѣдуетъ отнести мысль автора о причинахъ извѣстной вражды между Сѣверянами и Кіевлянами. Причину зарожденія непріязненнаго отношенія между этими племенами авторъ видитъ въ торговой конкуренціи Полянъ и Сѣверянъ, въ ихъ спорѣ за южный торговый путь: „Этотъ

споръ двухъ промышленныхъ племенъ обратился потомъ, благодаря историческимъ обстоятельствамъ, въ непримиримую ненависть, дававшую источникъ борьбѣ между Черниговомъ и Кіевомъ во весь періодъ ихъ самостоятельнаго существованія“ (стр. 41).

Удачною представляется намъ также гипотеза автора относительно назначенія построенныхъ Кіевскимъ княземъ городовъ по Остру, Деснѣ и населенія ихъ посторонними Сѣверской землѣ элементами (Чудью, Кривичами). Города эти, какъ справедливо полагаетъ авторъ, не могли имѣть стратегическаго значенія со стороны кочевниковъ. — а стали средствомъ удержать въ подчиненіи Сѣверянъ и закрѣпить за Полянами захваченную ими территорію у устья Десны (стр. 53).

За то едва ли можно согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что Козаре ¹⁾ застали Сѣверянъ на ихъ мѣстахъ съ ихъ федеративнымъ устройствомъ (стр. 36), и далѣе о федеративномъ началѣ, на которомъ, по мнѣнію автора, были основаны отношенія Сѣверянъ къ Козарамъ, выражавшіяся лишь въ платежѣ дани, и быть можетъ, въ допущеніи Козарамъ селиться въ Сѣверской области. (Впрочемъ, авторъ различаетъ отношеніе къ Козарамъ центральныхъ Сѣверскихъ областей отъ того положенія, въ которомъ находились къ Козарамъ южныя колоніи Сѣверянъ. Изложеніе мыслей у автора на этихъ страницахъ не совсѣмъ ясное). Авторъ, подобно многимъ писателямъ, не совсѣмъ точно усвоилъ себѣ значеніе понятія федерации. Что касается предположенія автора о дозволении Козарамъ (съ торговою цѣлью) селиться въ Сѣверской области, на что указываютъ наименованія нѣкоторыхъ поселеній въ Сѣверской области (Козаричи, Козаровка), то это, конечно, лишь гипотеза, рядомъ съ которою можно выставить другую о болѣе позднемъ возникновеніи этихъ поселеній, быть можетъ, въ XII в., то-есть, около того времени, когда, по свидѣтельству лѣтописи, Бѣловежцы прибѣжали въ Русь.

Одностороннею и ценѣрною кажется намъ характеристика Мономаха у г. Голубовскаго; въ этой характеристикѣ авторъ слѣдуетъ мыслямъ покойнаго профессора Кіевскаго университета Лашинюкова, по идетъ еще далѣе его. Впрочемъ, намъ придется еще въ дальнѣйшемъ изложеніи касаться подобнаго отношенія къ Мономаху у другаго автора исторіи Сѣверской земли ²⁾.

¹⁾ О большей правильности названія *Козаре* передъ Хазары см. А. И. Гир-кави, Сказ. еврейск. писателей о Хазарахъ, стр. 46 и стр. 157.

²⁾ Въ отношеніи къ Мономаху, но только въ этомъ одномъ, какъ увидимъ,

Вообще мы должны снова повторить здѣсь нашу оцѣнку труда г. Голубовскаго, какъ пріятнаго явленія въ нашей исторической литературѣ. Начало новаго труда г. Голубовскаго (О Половцахъ, въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ за 1883 г. кн. II) доказываетъ, что авторъ продолжаетъ неутомимо работать. Это начало новаго труда г. Голубовскаго отличается такою же тщательностью и тѣмъ же научнымъ духомъ, какъ и первое. Оканчиваемъ нашу краткую оцѣнку труда г. Голубовскаго самыми теплыми пожеланіями будущему ученому.

II.

Къ сочиненію г. Багалія „Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст.“, мы должны отнестись строже, нежели къ сочиненію г. Голубовскаго, потому что и ученая судьба его была иная. Сочиненіе г. Багалія было призвано историко-филологическимъ факультетомъ Кіевского университета не только лучше сочиненія г. Голубовскаго, — ибо за трудъ г. Багалія, кромѣ золотой медали, была присуждена еще Пироговская премія, выдаваемая за лучшую медальную работу, — мало того, это же сочиненіе, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано въ „Сборникѣ сочиненій студентовъ университета св. Владиміра“ въ качествѣ студенческаго труда, удостоеннаго золотой медали, было представлено авторомъ въ историко-филологическій факультетъ того же университета для полученія степени магистра русской исторіи и принято факультетомъ. Такое, крайне рѣдкое въ университетской практикѣ, явленіе, даже прямо противорѣчащее уставу 1863 г., который не дозволяетъ представлять одну и ту же работу для полученія нѣсколькихъ ученыхъ степеней (сочиненіе г. Багалія, какъ это обыкновенно практикуется съ медальными работами, засчитано за кандидатское), заставляетъ предполагать въ этомъ произведеніи необыкновенныя ученыя достоинства.

Посмотримъ же, каковы эти необыкновенныя достоинства труда г. Багалія.

Сочиненіе г. Багалія состоитъ изъ семи главъ; изъ нихъ 1-я и

сходятся оба автора. Въ остальномъ, въ научныхъ приемахъ оба существенно разнятся другъ отъ друга.

4-я посвящены географіи и колонизаціи Сѣверской земли (1-я до 2-й половины XI в., 4-я—отъ половины XI до половины XIII в.); 3-я и 6-я—внутреннему быту Сѣверской земли (3-я—до половины XI в., 6-я—съ половины XI до половины XIII в.); 2-я и 5-я—вѣдѣній исторіи Сѣверской земли (2-я—Сѣверская земля при первыхъ князьяхъ, 5-я—вѣдѣнія исторія Сѣверской земли съ половины XI до половины XIII в.); наконецъ, 7-я глава обнимаетъ вѣдѣнія и внутреннюю исторію Сѣверской земли отъ Татарскаго нашествія до паденія самостоятельности Сѣверской земли (съ половины XIII до половины XIV в.). Главы эти далеко не одинаковаго объема: между тѣмъ какъ однѣ занимаютъ болѣе трети всего сочиненія, (гл. 5-я стр. 160—268), другія крайне незначительны по объему (гл. 7-я—всего 8½ стр.).

Такой неодинаковый объемъ главъ труда г. Багалѣя объясняется главнымъ образомъ состояніемъ источниковъ и пособій по разнымъ вопросамъ и разнымъ эпохамъ вѣдѣній исторіи и внутреннего быта Сѣверской земли. Между тѣмъ какъ для періода X—XIII вѣковъ древняя лѣтопись и продолженія ея содержатъ не малое количество данныхъ по исторіи Сѣверской земли, о времени съ половины XIII по половину XIV в. сохранились лишь стрывочныя данныя въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ спискахъ (Никон., Воскр.).

Сочиненіе г. Багалѣя довольно велико по объему для студенческой работы (310 стр.); но значительный объемъ его зависитъ не столько отъ обилія данныхъ, приводимыхъ авторомъ, сколько отъ свойственной ему манеры изложенія. Авторъ весьма склоненъ къ длиннымъ цитатамъ изъ общеизвѣстныхъ пособій; весьма не рѣдки у него выписки изъ чужихъ трудовъ въ 1½ и болѣе страницъ. Другая причина увеличенія объема труда—стремленіе автора начинать рѣчь обо всемъ аб ово: такъ, разсуждая о древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствахъ о Сѣверянахъ, г. Багалѣй на многихъ страницахъ разсуждаетъ о древнѣйшей исторіи Славянъ вообще; говоря о городищахъ Сѣверской земли, авторъ сообщаетъ цѣлый трактатъ о городищахъ вообще, перечисляя главнѣйшія теоріи о происхожденіи городищъ; разсуждая о сѣверскихъ монетахъ, онъ говоритъ о монетномъ дѣлѣ въ древней Руси вообще. При помощи такихъ эпизодовъ, конечно, можно увеличить объемъ сочиненія до какой угодно величины. Подобные эпизоды, умѣстные въ общемъ курсѣ исторіи, совершенно излишни въ специальномъ изслѣдованіи; такой пріемъ имѣлъ бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы самъ авторъ пришелъ къ новой

какой-либо общей теоріи; перечислять же общеизвѣстные каждому специалисту факты, безъ всякихъ новыхъ соображеній, совершенно излишне. Кромѣ явныхъ цитатъ изъ чужихъ трудовъ, на увеличеніе объема труда г. Багалѣя еще болѣе повліяли „тайныя“, „скрытыя“ цитаты; но о нихъ ниже.

Къ числу общихъ недостатковъ труда г. Багалѣя, помимо многословія, массы не идущихъ къ дѣлу эпизодовъ, слѣдуетъ еще отнести одно качество, которое я позволю себѣ назвать „потемнѣніемъ сознанія своей личности“, „*illusion de la conscience du moi*“, какъ называетъ подобное состояніе James Sully въ недавно вышедшемъ сочиненіи „*Des illusions des sens et de l'esprit*“. Дѣло въ томъ, что авторъ весьма часто смѣшиваетъ свою личность, свои мысли, съ личностью и мыслями другихъ писателей. Когда авторъ говоритъ: „мы видимъ“, „намъ кажется“, „мы полагаемъ“, „мы приходимъ къ выводу“, „постараемся“, то читатель труда г. Багалѣя не долженъ понимать подъ „мы“ непременно г. Багалѣя, а постоянно помнить о патологическомъ, такъ-сказать, состояніи его сознанія.

Отъ характеристики общихъ недостатковъ труда г. Багалѣя перейдемъ къ рассмотрѣнію отдѣльныхъ главъ его труда. Въ нашемъ разборѣ мы станемъ держаться иного порядка, нежели держится г. Багалѣй въ распредѣленіи своихъ главъ, именно мы сперва рассмотримъ главы труда г. Багалѣя, трактующія о внѣшней исторіи Сѣверской земли (2-ю, 5-ю и 7-ю), затѣмъ—главы о внутреннемъ бытѣ Сѣверщины (3-ю и 6-ю), и наконецъ—главы о географіи и колонизаціи Сѣверской земли (1-ю и 4-ю).

Во 2-й главѣ („Сѣверская земля при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ“) мы съ первыхъ же страницъ знакомимся съ указанными выше общими недостатками труда г. Багалѣя. Такъ, авторъ не ограничивается сведеніемъ лѣтописныхъ замѣтокъ о судьбѣ одной Сѣверской земли до половины XI в., а говоритъ подробно о такихъ событіяхъ, которыя имѣютъ весьма малое отношеніе къ исторіи собственно Сѣверщины: такъ, онъ подробно излагаетъ извѣстія арабскихъ писателей о походѣ Игора на Табаристанъ (стр. 36—39). Въ этомъ эпизодѣ (взятомъ изъ Гаркави, Сказ. мус. пис. о Слав. и Русск.) интересно только одно довольно наивное соображеніе автора о достовѣрности цифры 50 тысячъ ратниковъ, участвовавшихъ въ походѣ Игора. Масуди говоритъ, что около 500 кораблей, изъ которыхъ на каждомъ было сто человѣкъ изъ Руссовъ, вошли въ рукавъ Найтаса, соединяющійся съ Хазарскою рѣкой. При возвращеніи съ похода му-

сулмане изъ страны Хазаръ напали на Руссовъ и поразили ихъ на голову. 30 тысячъ Руссовъ остались на полѣ сраженія, около 5 тысячъ спаслось. „Достоверность цифры (въ 50 т.)“, говоритъ г. Багалъй, — „подтверждается дальнѣйшими словами Масуди, что въ сраженіяхъ съ хазарскими мусульманами, Буртасами и Болгарами, пало 35 тыс., остальные 15 тыс. погибли, вѣроятно, въ битвахъ съ прибрежными жителями Каспійскаго моря“¹⁾.

Вся 2-я глава представляетъ лишь перечисленіе самыхъ общеизвѣстныхъ фактовъ, безъ всякихъ почти собственныхъ соображеній автора. Разборъ этой главы поэтому совершенно излишенъ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторыя неточности. Авторъ (стр. 33) на вѣру принимаетъ хронологію лѣтописи о княженіи Олега (въ 883 г. Олегъ покорилъ Древлянъ, въ 884 г. — Сѣверянъ, въ 885 г. — Радимичей); какъ извѣстно, хронологіи этой нельзя придавать никакого значенія. На стр. 47 авторъ замѣчаетъ, что раздача земель Владиміромъ сыновьямъ произошла не позже 989 г. Въ этомъ году еще не родились Борисъ и Глѣбъ, которымъ лѣтописецъ подъ 989 г. назначаетъ удѣлы²⁾.

Во 2-й главѣ мы также находимъ слѣды болѣзненнаго состоянія сознанія г. Багалъя, болѣе интенсивныя симптомы котораго найдемъ въ другихъ главахъ. На стр. 33 авторъ говоритъ о большей степени земельной самостоятельности Сѣверянъ сравнительно съ Радимичами; „Олегъ самъ долженъ былъ пойти на Сѣверянъ, одержать надъ ними побѣду и наложить не въ примѣръ другимъ легкую дань; все это показываетъ, что Сѣверяне отличались значительной степенью земельной самостоятельности; ихъ значеніе въ этомъ случаѣ увеличивалось, потому что они были ближайшими сосѣдями Хазаръ, и по видимому имѣли къ нимъ сильное тяготѣніе“... Далѣе о Радимичахъ: (на Радимичей) „Олегу не нужно было предпринимать похода: Радимичи показали по отношенію къ Руси гораздо менѣе устоя, чѣмъ Сѣверяне, не смотря на то, что эти послѣдніе представляли изъ себя окраинное населеніе и поэтому подвергались большимъ внѣшнимъ опасностямъ“. Замѣчательное совпаденіе, не только по

¹⁾ Впрочемъ, соображеніе это принадлежитъ не г. Багалъю, а уважаемому А. Я. Гаркави, у котораго оно взято цѣликомъ.

²⁾ Прибавимъ сюда еще нѣсколько мелкихъ промаховъ. Стр. 34: Греки даютъ по 12 гривенъ на человека по договору, заключенному съ ними Олегомъ; въ лѣтописи — по 12 гривенъ на ключъ. Стр. 45: сыновья Святослава почему-то называются *Горевичами*. Стр. 47: наивное соображеніе, что Сѣверская земля, вслѣдствіе близости къ Кіеву, не нуждалась въ намѣстничествѣ.

мыслямъ, но и по выраженіямъ, съ приведенными соображеніями г. Багалѣя находимъ у г. Барсова (Оч. русск. историч. географіи). На стр. 137: „Нѣсколько раньше (Радимичей) были подчинены (Олегомъ) Сѣверяне, обнаружившіе по отношенію къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особенности... Олегъ долженъ былъ лично предпринимать походъ на нихъ, и изъ краткаго лѣтописнаго извѣстія видно, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе главнымъ образомъ въ той части Сѣверской земли, которая стояла въ болѣе тѣсной связи съ Козарами. Чтобы удержать за собою Сѣверянъ, онъ возложилъ на нихъ „дань легку“... О Радимичахъ, стр. 132: „Изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось подчиненіе Радимичей Руси видно, какъ слабо и несамостоятельно было это племя, даже въ сравненіи съ Сѣверянами и Вятичами, которые, какъ окраинное населеніе, болѣе подвергались внѣшнимъ опасностямъ, и по видимому должны были бы оказать по отношенію къ Руси менѣе устоя, чѣмъ защищенные ими Радимичи“.

Если 2-я глава труда г. Багалѣя представляетъ собою лишь перечисленіе общеизвѣстныхъ фактовъ, а отнюдь не изслѣдованіе, то то же еще въ большей степени приходится сказать о главѣ 5-й, разсматривающей исторію Сѣверской земли съ половины XI по половину XIII в. Глава эта есть не что иное, какъ переводъ на современный русскій языкъ лѣтописныхъ извѣстій безъ малѣйшихъ попытокъ критической разборки въ лѣтописномъ матеріалѣ. Ни группировки событій, ни характеристики выдающихся дѣйствующихъ лицъ, ни критической провѣрки нѣкоторыхъ спорныхъ данныхъ (хотя бы изслѣдованія о генеалогіи Черниговскихъ князей, упоминаемыхъ въ Любецкомъ синодикѣ), ничего, кромѣ хронологическаго перечня событій по лѣтописнымъ даннымъ, мы въ этой главѣ „Исторія Сѣверской земли“ не находимъ. За то нѣкоторыя воззрѣнія автора (вѣриѣе—варіаціи по поводу общеизвѣстныхъ фактовъ) заслуживаютъ того, чтобъ о нихъ сказать нѣсколько словъ.

Авторъ, какъ это, впрочемъ, весьма естественно у человѣка, занимающагося извѣстнымъ предметомъ, сочувственно относится къ Сѣверскимъ князьямъ и старается вездѣ или выгородить ихъ не совсѣмъ иногда красивые поступки, или по крайней мѣрѣ, оправдать ихъ прегрѣшенія политической необходимостью. Сѣверскіе князья стоятъ за цѣлость своей волости, въ этомъ они сходятся съ такими же стремленіями и населенія Сѣверщины: это-то и заставляетъ автора сочувствовать Сѣверскимъ князьямъ. Въ противоположность этому ав-

торъ крайне отрицательно относится къ князьямъ Кіевскимъ, обвиняетъ даже лучшихъ изъ нихъ въ нечестности, коварствѣ, эгоистическихкихъ стремленіяхъ. Авторъ весьма наивно не замѣчаетъ того, что онъ осуждаетъ Кіевскихъ князей за тѣ самыя качества, за которыя сочувственно относится къ Сѣверскимъ князьямъ. Такъ, „главная характеристическая черта Мономаха—это желаніе набрать какъ можно больше волостей въ пользу своего рода“ (стр. 173), это „цѣли низменныя, эгоистическія“. Между тѣмъ, если Черниговскіе князья не желаютъ ограничиться одною только Сѣверщиной, а представляютъ претензіи и на Муромо-Рязанскія земли, и на земли Кіевскія, и на земли Волынскія, развѣ это не эгоистическія и не низменныя цѣли? Этого противорѣчія, прямо идущаго въ разрѣзъ съ фактами, г. Багалѣй не только не замѣчаетъ, но на оборотъ, относится къ Кіевской вѣтви Ярославичей съ какою-то ненавистью, вездѣ подозрѣвая въ ихъ поступкахъ одно лишь дурное. Оригиналенъ при этомъ пріемъ доказательства своихъ подозрѣній у автора: онъ состоитъ въ томъ, что г. Багалѣй, разъ высказавъ подозрѣніе, пользуется имъ въ дальнѣйшемъ положеніи какъ несомнѣннымъ фактомъ. Такъ, на стр. 168, разказывая о походѣ Романа Святославича съ вспомогательными половецкими отрядами на Всеволода Ярославича, авторъ говоритъ, что Романъ долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ, ибо Всеволодъ заключилъ съ Половцами миръ „на дорогѣ Половцы, вѣроятно подготовленные Всеволодомъ, убили его“. На стр. 172 г. Багалѣй подозрѣваетъ, что не безъ участія Всеволода произошло заточеніе Олега Святославича на островъ Родось, а относительно убійства брата Олега, Романа, уже прибавляетъ, что „его (Всеволода) участіе въ убійствѣ брата Олегова, Романа, несомнѣнно“.

Также подозрительно относится г. Багалѣй и къ дѣятельности Мономаха: онъ вездѣ преслѣдуетъ „цѣли низменныя, эгоистическія“; „онъ коваренъ и лъстивъ“. Сѣверскіе князья впрочемъ также хорошо понимали, по увѣренію автора, Мономаха, какъ понимаетъ его нынѣ г. Багалѣй. Знаменитое письмо Мономаха къ Олегу Святославичу не произвело на послѣдняго ожиданнаго результата, ибо Олегъ „прекрасно понималъ, что все письмо есть наборъ краснорѣчивыхъ фразъ“ (стр. 176).

Мы не станемъ опровергать возрѣній г. Багалѣя, не станемъ указывать, на сколько односторонне и фальшиво его отношеніе къ такой замѣчательной личности, какъ Владиміръ Мономахъ. Ограничимся однимъ только замѣчаніемъ: если свои симпатіи къ исто-

рическимъ лицамъ г. Багал'ѣй измѣряетъ тѣмъ, на сколько эти лица выражали собою народныя стремленія, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ найти въ лѣтописи слѣды весьма сочувственнаго отношенія народа къ Мономаху; не говоря объ общественномъ фактѣ приглашенія (есть данныя, что неоднократно) на великокняжескій столъ со стороны самихъ Кіевлянъ, я укажу г. Багал'ю на обломокъ народнаго эпоса о Мономахѣ въ самой лѣтописи, что свидѣлствуетъ о томъ впечатлѣніи, которое производила на современниковъ эта замѣчательная личность, и о томъ народномъ сочувствіи, которымъ встрѣчалась ея дѣятельность ¹⁾.

Эти странныя воззрѣнія г. Багал'ѣя представляютъ единственныя самостоятельныя мѣста 5-й (самой обширной) главы его труда. Все остальное въ ней есть лишь переводъ лѣтописи на современный русскій языкъ.

Впрочемъ, и въ 5-й главѣ труда г. Багал'ѣя находимъ тѣ же симптомы потемнѣнія сознанія собственной личности, какіе мы указывали выше; симптомы эти даже интенсивнѣе прежнихъ; болѣзненный процессъ смѣшенія собственныхъ мыслей съ чужими продолжается у г. Багал'ѣя болѣе долгое время.

Такъ, въ этой главѣ находимъ у г. Багал'ѣя весьма тщательное изслѣдованіе о походахъ Кіевскихъ и Сѣверскихъ князей въ области, которыя занимали тогда Половцы. Изслѣдованіе это весьма интересно, и въ немъ г. Багал'ѣй дѣлаетъ отъ своего лица множество прекрасныхъ соображеній. Но, по странному совпаденію, все это изслѣдованіе г. Багал'ѣя (стр. 180—187) представляетъ удивительное сходство съ изслѣдованіемъ Аристова „О землѣ Половецкой“ (Изв. Уст.-фил. инст. кн. Безб. 1877), и притомъ сходство не только во всѣхъ выводахъ и соображеніяхъ, но прямо въ выраженіяхъ. Здѣсь интересно то обстоятельство, что г. Багал'ѣй всего одинъ разъ упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи имя Аристова, и то лишь по поводу одного частнаго соображенія (стр. 182), при чемъ забылъ даже назвать статью Аристова.

Чтобы читатель могъ судить самъ, на сколько близко все изслѣ-

¹⁾ См. Ипат. лѣт., стр. 479—480. Интересно, что въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія г. Багал'ѣй уже иначе относится къ Мономаху: «Политика Сѣверскихъ князей была такая политика, по которой интересы всей Русской земли принесли въ жертву интересамъ *своей* волости, *своей* области; припомнимъ Олега Святославича—Гориславича и Владимира Мономаха, *кто изъ нихъ болѣе заботится о всей Русской землѣ? Конечно, послѣдній* (стр. 271).

дованіе г. Багал'я о походахъ на Половцевъ съ изслѣдованіемъ Аристова, мы приведемъ рядъ параллельныхъ выдержекъ изъ обоихъ трудовъ.

Г. Багал'й (стр. 181).

Обратимся теперь къ походу 1111 г... Этотъ походъ, окончившійся такъ удачно для русскихъ князей, былъ предпринятъ, благодаря энергіи Мономаха, который убѣдилъ в. к. Кіевскаго, Святополка, предпринять весенній походъ, не смотря на противоѣдѣйствіе дружины и своей собственной и Святополковой, говорившей, что онъ «хочетъ погубить смерды и ролью смердомъ». Ему хотѣлось, вѣроятно, застать рано и врасплохъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца, и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи, на Калміусъ, Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли лѣтoviща, а на зиму шли обратно. Князья отправились изъ Переяславля во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26 февраля; шли обыкновенною дорогою, которой ходили тогда Половцы на Переяславль. Такимъ образомъ они прежде всего подошли къ рѣкѣ Супою черезъ Воинъ (Теперь село Воинцы въ 11 вер. отъ Переяслава), который составляетъ первую станцію по пути Половецкому; переправившись черезъ Суной, князья 3-го марта въ пятницу на 3-й недѣлѣ пришли на Сулу; слѣдовательно въ 5 дней сдѣлали 138 верстъ (отъ Суноя до Сулы около 108 в.) въ субботу 4-го марта пришли на р. Хороль и, такъ какъ снѣгъ сталъ таять, побросали сани. Судя по выраженію Воскресенской лѣтописи («въ субботу же быша на Хороль, а въ недѣлю крестную выидоша

Аристовъ (стр. 6 отд. отгиска).

Но самый удачный походъ сдѣлали князья на Половцевъ въ 1111 г... И этотъ славный походъ совершенъ *благодаря энергіи* Владиміра Мономаха; онъ сталъ убѣждать Кіевскаго вел. кн. Святополка идти весной на поганыхъ, но встрѣтилъ отпоръ дружины, которая говорила: *хочетъ погубити смерды и ролью смердомъ*, то-есть при раннемъ походѣ, когда запяты будутъ лошади и люди, нельзя произвести поспѣва. Не смотря на противоѣдѣйствіе дружины весеннему походу, Мономахъ доказалъ его необходимость и настоялъ на своемъ. *Ему хотѣлось, должно быть, застать рано и въ распlohъ Половцевъ на ихъ зимовищахъ около Донца, и потому онъ рѣшился идти въ весеннюю распутицу: обыкновенно кочевые степняки съ весны на лѣто переходили съ Донца и Дона на югъ въ широкія степи на Калміусъ, къ Орель, къ низовьямъ Дона и къ Азовскому морю, гдѣ имѣли лѣтoviща, а на зиму опять шли обратно...* Мономахъ съ князьями отправился изъ Переяславля во вторую недѣлю или во второе воскресенье великаго поста, которое приходилось въ тотъ годъ 26-го февраля... Нѣтъ сомнѣнія, что войска двигались обыкновенною дорогою, по которой ходили тогда Половцы на Переяславль... Мономахъ пошелъ къ р. Супою черезъ Воинъ, теперешнее с. Воинцы (въ 11-ти в. отъ Переяслава)... Воинца составляетъ первую станцію отъ Переяслава... Переправившись черезъ р. Суной, пришли на Сулу въ пятницу 3-й недѣли поста 3-го марта; значитъ они въ 5 дней сдѣлали 138 в. (отъ Суноя до Сулы около

на поле и стаха на р. Голти) можно думать, что здѣсь была въ то время граница Переяславскаго княжества.

108 в.).—Въ субботу 4-го марта пришли на р. Хоролъ и отъ таянія снѣговъ пометали сани... Судя по выраженію Воскресенской Лѣтописи, что князя по переправѣ чрезъ Хоролъ выходяще въ поле, можно заключить о пограничной линіи по этой рѣкѣ Переяславскаго княжества въ началѣ XII столѣтія.

На стр. 182 г. Багалѣй изслѣдуетъ положеніе города Шаруканя, лежавшаго въ предѣлахъ территоріи, занятой Половцами:

Г. Багалѣй.

Г. Аристовъ (стр. 9).

Гдѣ же находился Шарукань? Определить его положеніе очень трудно. Вообще отгадывать положеніе городовъ по географическимъ названіямъ довольно трудно; но эта трудность усугубляется, когда дѣло идетъ о Половецкой землѣ, гдѣ племена постоянно смѣнялись другъ друга; мало того: у самихъ Половцевъ одно и то же мѣсто носило въ разныя времена различныя названія, потому что мѣстности получали свои названія отъ имени хановъ князей или родоначальниковъ; и это понятно: и у Половцевъ господствовалъ родовой бытъ, племена назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каеничи, Бастѣева чадь, Чоргова чадь; поэтому и имена городовъ означены по тогдашнимъ владѣльцамъ. Городъ Шарукань тоже носилъ въ разное время нѣсколько названій: сначала онъ назывался градомъ Осеневымъ или Аснеевымъ отъ половецкаго хана Асана (Асеня, Осеня, Асина), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ и потомъ женилъ на его внучкѣ своего сына Георгія; затѣмъ по смерти Асана (1082 г.) его городъ сталъ называться Шаруканемъ, по имени хана Шарука, который едва не попалъ въ плѣнъ къ Русскимъ въ 1107 г. на р. Хоролѣ; наконецъ, по смерти Шарука, онъ сталъ называться Чешуевымъ.

Что же это за городъ (Шарукань) и почему доселѣ не определено его мѣстоположеніе? Вообще отгадывать положеніе городовъ и мѣстечекъ по географическимъ стариннымъ названіямъ весьма трудно, особенно въ землѣ Половецкой, гдѣ смѣнялись постоянно восточныя племена одніи другими... У Половцевъ же постоянно названіе одного и того же города мѣнялось часто, потому что они именовали ихъ по своимъ ханамъ-князьямъ или родоначальникамъ... въ жизни Половцевъ господствовалъ родовой бытъ... поэтому самыя племена ихъ назывались по родоначальникамъ: Токсобичи, Каеничи, Багубарсовы, Бастѣева чадь, Чаргова чадь... Тотъ же городъ Шарукань носилъ въ разное время нѣсколько названій; сначала онъ означался именемъ града Осенева или Аснеева отъ половецкаго хана Асана (Асеня, Асиня, Осеня), котораго взялъ въ плѣнъ Мономахъ и впоследствии женилъ на его внучкѣ сына своего Георгія. По смерти Асана (1082 г.), его городъ уже сталъ носить названіе Шарукана, по имени хана Шарука, который едва не попалъ въ плѣнъ Русскимъ въ 1107 г. на Хоролѣ. Наконецъ городъ Шарукань называли Чешуевымъ (Чешлюевымъ) также по имени хана, сдѣлавшагося предводителемъ по смерти Шарукана.

Прерываемъ выписки за недостаткомъ мѣста, ибо со стр. 182 по 185 г. Багал'ѣй дословно списываетъ Аристову, со всѣми его ссылками и цитатами, изрѣдка лишь измѣняя отдѣльныя слова, или дѣлая перестановки въ его изложеніи.

На стр. 186 г. Багал'ѣй старается доказать, что населеніе города Шаруканя было славянское, а не половецкое; въ доказательство приводится извѣстное мѣсто лѣтописи изъ описанія того же похода 1111 г., гдѣ разказано, какъ, подходя къ Шаруканю, Русскіе князья выслали напередъ поповъ, начавшихъ пѣть церковныя пѣсни; жители Шаруканя вышли къ нимъ на встрѣчу съ дарами, рыбой и виномъ. „Это извѣстіе очевидно указываетъ“—соображаетъ г. Багал'ѣй,—„что въ городѣ Шаруканѣ было населеніе, ближе къ русскимъ воинамъ. по крайней мѣрѣ, по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію“. Соображеніе несомнѣнно любопытное; но раскрываемъ книгу г. Барсова „Очерки русск. истор. геогр.“, стр. 131: „Въ городѣ Шарукани видно населеніе близкое русскимъ воимъ, по крайней мѣрѣ, по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію“. Свою догадку г. Багал'ѣй подтверждаетъ еще соображеніемъ: „Съ другой стороны, мы знаемъ, что Половцы не были устроителями городовъ, и занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; мы не имѣемъ ни одного случая, гдѣ бы Русскіе сняли осаду съ какого нибудь половецкаго города, что между тѣмъ очень часто случалось съ самими Половцами“. А у Аристова (стр. 12) читаемъ: „Половцы не были устроителями городовъ, и занимая оставленныя другими народами городища, не могли укрѣплять и отстаивать ихъ; поэтому стоило осадить русскимъ засѣвшихъ въ городѣ Половцевъ, они скоро сдавались—и ни одного случая не найдется, когда бы они сняли осаду, что съ Половцами бывало часто“.

„Всѣ соображенія“, говоритъ г. Багал'ѣй на стр. 86,—„говорятъ въ пользу того мнѣнія, что въ началѣ XII в. русское населеніе, кѣроятнѣе всего Сѣвернянской вѣтви (на что указываетъ ея географическое положеніе) исчезаетъ на юго-восточной окраинѣ, и его крайніе слѣды замѣчаются только на Донѣ, то-есть, собственно теперешнемъ Сѣверскомъ Донцѣ, но уже среди господствующаго инородческаго населенія“.

У г. Барсова (стр. 131) читаемъ: „Съ начала XII в. его (славянскаго населенія Сѣвернянской вѣтви на юго-восточной окраинѣ) слѣды

замѣчаются только на Донѣ, то-есть, собственно теперешнемъ Сѣверномъ (Сѣверскомъ) Донцѣ, но уже среди господствующаго и преобладающаго инородческаго населенія“.

Такимъ образомъ, цѣлыя 8 страницъ 5-й главы труда г. Багалѣи (стр. 180—187) представляютъ снимокъ съ изслѣдованія Аристовъ; въ большинствѣ случаевъ г. Багалѣй дѣлаетъ снимокъ фотографической точности, лишь изрѣдка позволяя себѣ измѣнить кое-гдѣ слово или переставить порядокъ изложенія Аристовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ (мы привели ихъ только два такіа мѣста, но ср. стр. 187 у г. Багалѣи о городѣ Вырѣ и стр. 142 сочиненія г. Барсова: эти мѣста представляютъ дословное сходство) г. Багалѣй сдѣлалъ честь и г. Барсову, снявъ прекрасный по точности снимокъ съ его словъ. Объ Аристовѣ г. Багалѣй, какъ мы уже сказали, упомянулъ всего одинъ разъ, да и то совершенно вскользь, мимоходомъ, даже не назвавъ статьи его; имени же г. Барсова г. Багалѣй на разобраннхъ нами страницахъ даже вовсе и не упоминаетъ.

Въ 7-й (последней) главѣ своего труда г. Багалѣй на 8-и страницахъ разсказываетъ исторію и описываетъ внутренній бытъ Сѣверской земли съ половины XIII по половину XIV вѣка. Г. Багалѣй здѣсь (какъ, впрочемъ, во всемъ сочиненіи) старательно обходитъ всѣ вопросы, которые требуютъ дѣйствительно изслѣдованія; оно и понятно: гораздо легче перефразировать чужое, нежели изслѣдовать самому. Такъ г. Багалѣй, очевидно, не имѣетъ даже понятія о Любецкомъ синодикѣ и о тѣхъ весьма интересныхъ и совершенно неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ данныхъ о генеалогіи Сѣверскихъ князей послѣ татарскаго разгрома, которыя онъ сообщаетъ. А между тѣмъ Любецкій синодикъ не только напечатанъ, но и вызвалъ нѣсколько изслѣдованій (пр. Филарета, въ статьѣ о Любечѣ г. Милорадовича, Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1871 г. II и г. Квашнина-Самарина, ib. 1873, IV). Кое-какія (крайне, впрочемъ, скудныя) данныя приводитъ г. Багалѣй изъ родословныхъ книгъ но безъ всякой критики, а данныя эти (какъ это, на примѣръ, указываетъ г. Квашнинъ-Самаринъ по поводу князей Новосильскихъ и Одоевскихъ) часто ошибочны. Вообще же послѣдняя глава г. Багалѣи не только абсолютно лишена всякихъ критическихъ попытокъ, но даже представляетъ далеко неполный сводъ сохранившихся скудныхъ лѣтописныхъ данныхъ. Если мы притомъ вычтемъ изъ этой главы 2 страницы, на которыхъ разсказана исторія волненія, вызваннаго въ Курскѣ татарскимъ баска-

комъ Ахматомъ, болѣе 2 страницъ заимствованій (по обычаю автора, негласно) изъ чужихъ трудовъ ¹⁾, то на изложеніе виѣшной и внутренней исторіи Сѣверской земли съ половины XIII по половину

¹⁾ Такъ, вся та часть 7-й главы, которая разбираетъ исторію Брянска въ XIII и XIV в., составлена почти исключительно по изслѣдованію В. В. Антоновича: «Очеркъ ист. вел. кн. Литовскаго». Мало того, г. Багалъй во многихъ мѣстахъ не довольствуется перефразировкой изслѣдованія г. Антоновича, но прямо списываетъ его, ни разу не указавъ на свой источникъ. Такъ на стр. 302 г. Багалъй перефразируетъ (оставивъ впрочемъ нѣкоторыя выраженія) 134 страницу изслѣдованія г. Антоновича, тоже и на стр. 308 (*Антоновичъ*, стр. 133); стр. 309: «Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ (перенесенія епископской кафедры изъ Чернигова въ Брянскъ, и т. д.) даже лѣтописи теперь разказываютъ о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ событіяхъ Брянскаго княжества, умалчивая совершенно о событіяхъ въ другихъ удѣлахъ Сѣверской земли. По судя по тѣмъ немногочисленнымъ фактамъ, которые дошли до насъ, можно думать, что возвышеніе Брянска было виѣшнее и не опиралось на внутреннюю его силу». У г. Антоновича (стр. 133): «Со времени Романа Михайловича значеніе, пріобрѣтенное Брянскомъ, обращаетъ на это княженіе вниманіе лѣтописцевъ, которые потому и заносятъ въ лѣтописи болѣе важныя событія, касающіяся судьбы Брянскаго княжества, умалчивая совершенно о судьбѣ другихъ городовъ и удѣловъ Черниговскаго и Сѣверскаго княженій. Судя впрочемъ по немногочисленнымъ фактамъ, сообщеннымъ лѣтописцами, можно полагать, что возвышеніе Брянска было только виѣшнее, случайное и не опиралось на внутреннюю земскую силу». На стр. 310 опять дословно переписывается стр. 134 г. Антоновича. На стр. 302 характеристика взаимнаго отношенія общественныхъ элементовъ въ разныхъ княжествахъ русскихъ послѣ татарскаго нашествія, цѣликомъ взята изъ того же сочиненія г. Антоновича (стр. 17—18). У г. Багалъя: «Въ однихъ княжествахъ какой-нибудь изъ 3 общественныхъ элементовъ (князь, вѣче, дружина) одерживаетъ рѣшительную побѣду надъ 2-мя остальными, въ другихъ всѣ эти 3 элемента находятся почти въ равновѣсін. Въ Ростово-Суздальской землѣ князю удается сломить и вѣче и дружину. Въ Новгородѣ Великомъ вѣче является полновластнымъ господиномъ, низводитъ князя на степень кормленника, указываетъ ему путь отъ себя; боярское сословіе здѣсь также не пользуется большими прерогативами (?). Въ Галичѣ дружина получаетъ преобладающее значеніе; не смотря на всѣ попытки Галицкихъ князей сломить дружинный элементъ, это имъ не удается; Галицкіе бояре при преемникахъ Даниіла получаютъ такое значеніе, что представляютъ какъ-бы сеймъ, ограничивающій велико-княжескую власть». У г. Антоновича: «Вмѣсто бывшаго общаго центра государственной власти въ Кіевѣ, возникаетъ нѣсколько новыхъ центровъ государственной жизни Руси. Эта политическая перемѣна опирается при томъ на внутренній переломъ, случившійся въ распорядкѣ составныхъ элементовъ русскаго общества. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ три составныя общественныя силы русскаго общества: князь, вѣче и дружина, находились въ постоянной борьбѣ между собою и уравнивали другъ друга, въ каждомъ изъ новыхъ центровъ одно изъ этихъ составныхъ началъ

XIV в. окажется лишь около 4 страницъ. Понятно, что авторъ не могъ даже перечислить всѣхъ, хотя и скудныхъ, лѣтописныхъ данныхъ по исторіи Сѣверской земли за этотъ періодъ.

Перейдемъ теперь къ главамъ труда г. Багалѣя, обнимающимъ внутренній бытъ Сѣверской земли.

Глава 3-я сочиненія г. Багалѣя (Внутренній бытъ Сѣверской земли до половины XI вѣка) трактуетъ о городищахъ Сѣверской земли (стр. 52—64), погребальныхъ обычаяхъ (стр. 64—92), религіи (стр. 92—95), семейномъ бытѣ, культурѣ, общественномъ бытѣ и распространеніи христіанства.

Въ отдѣлѣ о городищахъ г. Багалѣй не ограничивается характеристикой однихъ сѣверскихъ городищъ, но начинаетъ аб ово съ перечисленія разныхъ существующихъ *въ науцѣ мнѣній о назначеніи* городищъ. Въ этомъ вопросѣ г. Багалѣй обнаруживаетъ значительную начитанность: онъ знакомъ со всѣми главнѣйшими мнѣніями ученыхъ относительно значенія городищъ, и его начитанность, по видимому, не можетъ быть подвергнута никакимъ сомнѣніямъ, ибо онъ приводитъ постоянно собственныя слова изслѣдованій. Но стоитъ нѣсколько скептическому читателю раскрыть сочиненіе Д. Я. Самоквасова; „Древніе города Россіи“, какъ видимая начитанность г. Багалѣя получаетъ тотчасъ же надлежащее освѣщеніе. Г. Багалѣй до того сроднился съ личностью г. Самоквасова, что принялъ въ свое изслѣ-

береть перевѣсъ надъ двумя другими и доставляетъ сильную точку опоры для новой государственной жизни: въ Ростовской землѣ княжеская власть, усиливаясь быстро съ половины XII ст., подчиняетъ себѣ и немногочисленныя городскія общины Ростово-Суздальской земли и дружину. Въ Новгородѣ и его пригородахъ вѣче составляетъ основное начало государственнаго устройства: оно *низводитъ князя на степень зависимаго, смиримаго по волю вѣча, кормленника, оно поглощаетъ и ассимилируетъ съ собою боярское сословіе*. Въ Галицкой землѣ и подъ ея вліяніемъ въ Волынской—*дружинный элементъ беретъ перевѣсъ надъ 2 другими*; слѣды общинной жизни исчезаютъ еще при Ростиславичахъ, а при Романовичахъ, не смотря на упорное сопротивленіе и репрессивныя мѣры Романа и Данила, *власть князей все болѣе и болѣе ограничивается дружинниками, которые подчиняютъ наконецъ князя совѣту бояръ, составившихъ какъ бы постоянный сенатъ, руководившій его политическими дѣйствіями*.

Мы привели такія данныя параллельныя выписки съ цѣлью показать, какъ вездѣ, гдѣ у г. Багалѣя встрѣчаемъ или дѣйствительное изслѣдованіе, или удачныя соображенія, слѣдуетъ помнить о потѣчливости его сознанія и искать писателя, съ которымъ отождествилъ себя г. Багалѣй. Поиски не бываютъ затруднительны, такъ какъ у г. Багалѣя есть излюбленные авторы, въ сознаніе которыхъ онъ особенно часто переселяется.

дованіе цѣлыя 12 страницъ его труда, со всѣми описками и опечатками. Такъ, въ перечисленіи теорій городищъ г. Багалѣй только переставилъ кое-гдѣ порядокъ, въ которомъ эти теоріи стоятъ у г. Самоквасова. На сколько въ данномъ случаѣ г. Багалѣй отождествилъ свое научное сознаніе съ сознаніемъ г. Самоквасова, можно судить изъ слѣдующихъ фактовъ: 1) г. Багалѣй перечисляетъ только теоріи, перечисленныя въ сочиненіи г. Самоквасова (стр. 94, и сл.); 2) г. Багалѣемъ приводятся буквально только тѣ мѣста изъ трудовъ разныхъ изслѣдователей, писавшихъ о городищахъ, которыя приводитъ г. Самоквасовъ ¹⁾; 3) въ цитатахъ г. Багалѣй рабски слѣдуетъ цитатамъ г. Самоквасова, повторяя даже его опечатки: такъ въ цитатѣ 64 на стр. 95 у г. Самоквасова слѣдующая опечатка: г. Самоквасовъ приводитъ заглавіе труда Тышкевича въ такомъ видѣ: О Кург. въ Лит. и Зап. Руси. 1865 г. Wiadomosc hist. o zam na Litvi Rusi Litew.—вм. Litvi i Rusi Litew. У г. Багалѣя (стр. 54, цитата: 4) „О курганахъ въ Литвѣ и Зап. Руси. 1865 г. Wiadomosc hist. o zamk. Litvi Rusi Litews.“. Но едва ли не самый поразительный примѣръ отождествленія своей личности съ личностью г. Самоквасова находимъ у г. Багалѣя на стр. 53, пр. 1; г. Багалѣй говоритъ: „Я въ данномъ случаѣ не различаю терминовъ „городище“ и „городокъ“; у г. Самоквасова, стр. 112, пр. 117: „Названіе городище и городокъ въ народѣ не различаются“.

Иногда, впрочемъ, г. Багалѣй пользуется трудомъ г. Самоквасова гласно, то-есть, дѣлаетъ обширныя выписки изъ этого труда, цитуетъ его; такова, на примѣръ, обширная выписка въ 1½ страницы на стр. 60—61 у г. Багалѣя; но количество выписокъ гласныхъ совершенно ничтожно сравнительно съ выписками не гласными, то-есть, съ такими, при которыхъ цитаты нѣтъ, и читатель по догматическому тону или прямо выраженному личному мѣстоименію можетъ думать, что читаетъ собственныя соображенія г. Багалѣя. Такъ, стр. 57 и 58 сочиненія г. Багалѣя, содержащія въ себѣ доказательства, что городище между прочимъ (это выраженіе принадлежитъ самому г. Багалѣю) имѣли значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ защиты, представляютъ дословный списокъ со стр. 98—100 труда г. Самоквасова, со всѣми его ссылками; однако, г. Багалѣй говоритъ здѣсь рѣшительно отъ своего лица (различные факты убѣждаютъ насъ въ томъ ²⁾).

¹⁾ Исключеніе сдѣлалъ г. Багалѣй лишь для теоріи Холяковского.

²⁾ Г. Багалѣй, стр. 57—58.

Г. Самоквасовъ, стр. 98—100.

Прежде всего являются соображенія

По наружной конструкции слова

Изложение теории Ходаковского и разбора ее И. И. Срезневским и г. Уваровым (Багал'й, стр. 55—57) дословно списано у г. Самоквасова (стр. 107—109) со всеми цитатами (въ томъ же порядкѣ).

На стр. 52 г. Багал'й говоритъ: „Попытаемся сопоставить лѣтописныя извѣстія о нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ намъ (по имени) городахъ Сѣверской земли съ извѣстіями о мѣстоположеніи нѣкоторыхъ городищъ“; эту попытку г. Багал'й исполняетъ такимъ образомъ, что дословно списываетъ стр. 120—121 (кое-что лишь исключилъ) труда г. Самоквасова со всеми цитатами.

На стр. 53 основная характеристика трехъ мнѣній о городищахъ—перифразъ словъ г. Самоквасова на стр. 97. На стр. 63 разсужденія объ иномъ значеніи городищъ въ Муромо-Рязанской области, нежели у Сѣверянъ,—перифразъ приведенной г. Самоквасовымъ выдержки изъ сочиненія г. Корсакова: „Меря и Ростовское княжество“.

Такимъ образомъ, сличеніе отдѣла сочиненія г. Багал'я, трактующаго о городищахъ, съ трудомъ г. Самоквасова привело насъ къ заключенію, что всѣ 12 страницъ 3-й главы труда г. Багал'я представляютъ частью дословный снимокъ, частью перифразъ соответственныхъ мѣстъ труда г. Самоквасова. И однако, эти страницы изложены у г. Багал'я со всемъ научнымъ аппаратомъ, способнымъ ввести въ заблужденіе легковѣрнаго читателя, принимающаго г. Багал'я за самостоятельнаго изслѣдователя.

Между тѣмъ какъ рецептъ, по которому г. Багал'й составилъ

филологическія. По своей конструкціи слово «городище» вполне соответствуетъ словамъ «селище» и «дворище». Суффиксъ *ище* служитъ для обозначенія нежилыхъ оставленныхъ мѣстъ, народныхъ поселеній «пустыхъ», по выраженію одного изъ древнѣйшихъ памятниковъ... и т. д. дословно.

Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и древнихъ актовъ...

Наконецъ, народные преданія утверждаютъ...

Въ этой негласной выпискѣ есть, впрочемъ, одинъ самостоятельный актъ: прим. 76 (на стр. 99) г. Самоквасова г. Багал'й перенесъ въ текстъ.

городище соответствуетъ словамъ селище и одорище ... слова съ измѣненіемъ окончанія на ище означаютъ оставленные мѣста народныхъ поселеній, нежилыя, «пустыя» по выраженію одного изъ древнихъ памятниковъ...

Стр. 99. Теоретическій выводъ филологіи подтверждается прямыми свидѣтельствами лѣтописей и другихъ актовъ...

Стр. 100. Наконецъ, народные преданія утверждаютъ...

свое изслѣдованіе о городищахъ Сѣверской земли, крайне просто и несложенъ, въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ и религіи Сѣверянъ такой простой и удобный приѣмъ оказался г. Багалѣи нѣсколько затруднительнымъ. Дѣло въ томъ, что о погребальныхъ обычаяхъ Сѣверянъ еще кое-что можно было сказать, руководствуясь данными, собранными г. Самоквасовымъ въ его раскопкахъ на Сѣверщинѣ; но что касается религіозныхъ воззрѣній Сѣверянъ, то тутъ факты почти совершенно отсутствуютъ. Какъ же выходить г. Багалѣи изъ этого затрудненія, и какимъ приѣмомъ наполняетъ онъ болѣе 30 страницъ своего труда (стр. 64—95) данными о погребальныхъ обычаяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Сѣверянъ? При помощи одной удачной гипотезы.

Г. Багалѣи дѣлаетъ счастливую догадку, что описанные у Ибнъ-Фоцлана Руссы—ни кто иной какъ Сѣверяне ¹⁾. Почему тутъ Сѣверяне, а не Кіевляне, не Новгородцы (нѣкоторые, какъ напримѣръ, г. Стасовъ, сомнѣваются даже въ славянствѣ этихъ Руссовъ),—г. Багалѣи считаетъ совершенно излишнимъ это доказывать. Правда, однажды у г. Багалѣи промелькнуло было сомнѣніе въ правильности его гипотезы, но онъ быстро поспѣшилъ отогнать такое сомнѣніе слѣдующими соображеніями: „Мы имѣемъ полную возможность пользоваться извѣстіями Ибнъ-Фоцлана и др. арабскихъ писателей, говорящихъ о сожиганіи, для характеристики погребальныхъ обрядовъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, потому что эти извѣстія стоятъ въ полномъ согласіи съ данными лѣтописными и археологическими изысканіями; разказъ Ибнъ-Фоцлана представляетъ какъ бы протоколъ раскопки Черной могилы“ (стр. 72). Что извѣстія Ибнъ-Фоцлана относятся къ Сѣверянамъ, это можно было бы утверждать только въ томъ случаѣ, еслибъ и остальные подробности, имъ сообщаемыя о ви-

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы должны отнять у г. Багалѣи честь самостоятельнаго открытія этой гипотезы; ее также высказалъ впервые г. Самоквасовъ, изслѣдователь почтенный, но извѣстный въ наукѣ нѣсколько рискованными гипотезами (о болѣе раннемъ возникновеніи городовъ, нежели селъ, о славянствѣ Скивовъ, о людоедствѣ древнихъ обитателей Кавказа, объ исключительномъ значеніи археологическихъ данныхъ для исторіи древнѣйшаго русскаго права). Интересно, что г. Самоквасовъ высказалъ свою гипотезу о сѣверянствѣ Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссовъ тѣми же словами, что и г. Багалѣи, и совершенно также эту гипотезой воспользовался (см. его Сѣв. курганы въ Трудахъ третьяго арх. съѣзда). О томъ, что эту гипотезу и ея выводъ цѣликомъ взяты у г. Самоквасова, г. Багалѣи ни однимъ словомъ не проговорился.

дѣнныхъ имъ Руссахъ, сходились съ описаніемъ сѣверскихъ обычаевъ въ другихъ источникахъ. Но одинъ лишь фактъ сожженія на столько мало значить (ибо сожженіемъ хоронили мертвыхъ и въ другихъ областяхъ Руси), что рѣшительно ничего доказывать не можетъ.

Но дѣло въ томъ, что эта гипотеза была крайне удобна для г. Багалѣя: она дала ему возможность привести весь обширный разказъ Ибнъ-Фоцлана и прекрасный комментарий къ нему покойнаго А. А. Котляревскаго, такимъ образомъ, дала автору дешевый матеріалъ на цѣлыя 30 страницъ.

О самостоятельномъ изслѣдованіи погребальныхъ обычаевъ и религіозныхъ воззрѣній Сѣверянъ у г. Багалѣя не можетъ быть, конечно, и рѣчи; весь этотъ отдѣлъ (болѣе 30 страницъ) содержитъ въ себѣ только пересказъ всѣмъ извѣстнаго описанія похоронъ Руссовъ у Ибнъ-Фоцлана и изложеніе соотвѣтственныхъ мѣстъ труда А. А. Котляревскаго (О погреб. обычаяхъ языч. Славянъ) и статьи г. Самоквасова о сѣверскихъ курганахъ (Труды третьяго археологич. съѣзда). Количество гласныхъ выписокъ изъ этихъ трудовъ довольно значительно: такъ, приводимыя слова Котляревскаго занимаютъ въ числѣ этихъ 30 стр. болѣе 5 (стр. 65 $\frac{1}{2}$ страницъ, 71— $\frac{1}{2}$ стр. 72—73, $\frac{1}{2}$ 75; 81 вся и часть 82, $\frac{1}{2}$ 83 и 84; 90 вся); но если къ этому прибавить тѣ мѣста этого отдѣла, которыя составлены по труду А. А. Котляревскаго или представляютъ негласную выписку изъ его труда, то заимствованіе изъ этого труда займутъ у г. Багалѣя 10—12 страницъ (такъ, частью изложены по Котляревскому, частью негласно у него выписаны стр. 74—75, 87—88 и пр.; за недостаткомъ мѣста не можемъ вездѣ приводить параллельныхъ выписокъ, но вѣдь изслѣдованіе Котляревскаго всѣмъ извѣстно).

Также широко пользуется г. Багалѣй и статьей г. Самоквасова, представляя изъ нея большія гласныя и еще большія негласныя выписки. Такъ гласныя выписки—на стр. 76—78 (отъ начала до конца), 80 и 92, негласныя—на стр. 66—69 (почти вездѣ дословно). Последнюю обширную выписку (въ 4 страницы) я потому называю негласною, что г. Багалѣй хотя и ссылается въ началѣ ея на статью г. Самоквасова, но въ дальнѣйшемъ изложеніи приводитъ вездѣ цитаты и говоритъ въ такомъ тонѣ, что неопытный читатель можетъ ошибочно заключить, будто читаетъ изслѣдованіе самого г. Багалѣя. А между тѣмъ эти 4 страницы представляютъ лишь дословную выписку изъ изслѣдованія г. Самоквасова (Труды третьяго

арх. съѣзда, стр. 209—211). Особенно комичнымъ является то, что г. Багалѣй, дословно списывая стр. 209—211 статьи г. Самокова, переносить въ свое изложеніе и всѣ его ссылки (въ изслѣдованіи о найденныхъ въ сѣверскихъ курганахъ монетахъ, на Sabatier, Saulcy и пр.), такъ что наивный читатель можетъ быть введенъ въ полное заблужденіе относительно автора изслѣдованія на стр. 66—69 труда г. Багалѣя.

На остальныхъ страницахъ разбираемаго отдѣла переданъ разказъ Ибнъ-Фоцлана о Руссахъ. Естественно, что для собственнаго изслѣдованія у г. Багалѣя уже не хватило мѣста. Разъ предположивъ въ Ибнъ-Фоцлановыхъ Руссахъ Сѣверянъ и почувствовать всю выгоду такой гипотезы, г. Багалѣй пользуется ею и дальше. Такъ, описаніе домашняго быта (стр. 98—99) и культуры (стр. 100) Сѣверянъ взято г. Багалѣемъ изъ описанія Ибнъ-Фоцланомъ видѣнныхъ имъ Руссовъ. Понятно, что весь этотъ отдѣлъ представляетъ одно лишь пустословіе, коль скоро окажется, что Ибнъ-Фоцлановы Руссы—не Сѣверяне.

Отдѣлъ о религіи Сѣверянъ (стр. 92—95) есть опять лишь дословный списокъ 6—8 страницъ Ист.-статист. опис. Черниг. епархіи преосвященнаго Филарета. Крайне поэтому комично читать у г. Багалѣя слѣдующую фразу: „Такимъ образомъ, Полисунъ, какъ мы видимъ, очень подходитъ къ Волосу, скотъему богу. И тотъ, и другой—покровитель животныхъ; но гдѣ мѣстность была по преимуществу лѣсная, тамъ былъ Полисунъ, а гдѣ было много полей и луговъ, тамъ былъ Волосъ; „Волосько“,—коровій богъ мало извѣстенъ въ Черниговской украинѣ“ (стр. 93). У пр. Филарета (стр. 6) читаемъ: „Полисунъ—богъ лѣсовъ, Волосъ—богъ воловъ. Но по значенію Полисунъ—хранитель скота отъ волковъ, надобно полагать, что Полисунъ и Волосъ одно и то же, только съ разнымъ названіемъ. Тамъ, гдѣ было много лѣсовъ, покровитель скота назывался Полисунъ, а гдѣ были только воли на лугахъ, тотъ же покровитель назывался Волосомъ. „Волосько“, коровій богъ, мало извѣстенъ въ Черниговской украинѣ“. Послѣ такого сличенія это мы является удивительно комичнымъ.

Что касается отдѣла о торговлѣ Сѣверянъ (стр. 100—110), то здѣсь г. Багалѣй снова прибѣгнулъ къ гипотезѣ, что подъ Руссами, видѣнными нѣкоторыми арабскими писателями на Волгѣ, слѣдуетъ разумѣть Сѣверянъ. Гипотеза эта опять дала возможность г. Багалѣю привести разказы арабскихъ писателей о торговлѣ Руссовъ и комментаріи къ этимъ извѣстіямъ гг. Гаркави и Хвольсона. Собствен-

ныхъ соображеній на этихъ страницахъ не находимъ ни одного слова.

На стр. 112—115 г. Багалъй критикуеть извѣстіе о дикости Сѣверянъ. Въ этой критикѣ ни одного своего слова, она цѣликомъ взята изъ статьи г. Самоквасова, сѣверскихъ курганахъ (Труды третьяго археол. съѣзда). До чего рабски слѣдуетъ г. Багалъй изложенію г. Самоквасова, видно изъ слѣдующаго: Г. Самоквасовъ перечисляетъ теоріи о доисторическомъ бытѣ Славянъ (въ частности Сѣверянъ) со временъ Шлецера; тѣ же теоріи, и только тѣ же, перечисляетъ и г. Багалъй; Мало того, онъ приводитъ изъ перечисленныхъ г. Самоквасовымъ сочиненій только выписки, которыя находятся у перваго. Но всего болѣе поразительно то, что слова, которыми у г. Самоквасова связаны приведенныя имъ *выдержки, повторены дословно* г. Багалъемъ. У обоихъ однѣ и тѣ же выписки изъ Шлецера, Карамзина и т. п.

Г. Багалъй.

Эту послѣднюю мысль Карамзина—о независимости семействъ, Эверсъ развила въ цѣлую теорію, извѣстную подѣ именемъ теоріи родового быта. По этой теоріи всѣ отношенія Славянъ, опредѣлялись естественными, родственными связями (стр. 113).

Г. Погодинъ въ своей «Древней Русской исторіи», изданной въ 1872 г., въ краткомъ введеніи къ первому періоду русской исторіи, начинающемуся 862, буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости Славянъ (ib.).

Въ частности Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшими изъ племенъ русскихъ Славянъ, потому что къ нимъ непосредственно относится извѣстіе лѣтописи: «живяху въ лѣсѣ, яко всякій звѣрь, ядуще все нечисто». Только одинъ Вѣляевъ старался доказать, что «Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степенн

Г. Самоквасовъ.

Мысль Карамзина—о полной независимости семействъ у древнихъ Славянъ развита Эверсомъ въ цѣлую теорію, нашедшую многихъ послѣдователей и извѣстную въ литературѣ подѣ названіемъ теоріи родового быта древнихъ Славянъ. По этой теоріи всѣ отношенія у древнихъ Славянъ опредѣлялись естественными, кровными, родственными связями (стр. 217).

Г. Погодинъ въ своей древней Русской исторіи, изданной въ 1872 г., въ краткомъ введеніи къ первому періоду русской исторіи, начинающемуся 862 годомъ, буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости Славянъ (стр. 218).

Въ частности, Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшими изъ племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, потому что къ нимъ непосредственно относится классическое извѣстіе лѣтописи «живяху въ лѣсѣ, яко всякіи звѣрь, ядуще все нечисто». Сколько мнѣ извѣстно, между всѣми учеными юристами и историками

дикости звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговля сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизации, нежели обыкновенно думаютъ». Но доказательства Бѣляева, основанныя главнымъ образомъ на сказаніи Ибнъ-Фодлана, не были приняты въ науку (ib.).

каки только И. Д. Бѣляевъ ... старался доказать, что ... «Съверяне языческой эпохи не стояли на степени дикости звѣролововъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговля сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизации, нежели обыкновенно думаютъ... По доказательствамъ Бѣляева, основаннымъ, главнымъ образомъ, на извѣстномъ сказаніи о Руссахъ арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, не имѣли достаточно убѣдительности (иѣсколько дальше—«Бѣляевъ не доказалъ своего предположенія фактически, почему не были приняты въ науку и его воззрѣнія)... (стр. 218).

Еслибы дѣло шло о пособіяхъ рѣдкихъ, то еще понятно было бы пользованіе чужими ссылками; но сочиненія Шлецера, Бѣляева, Погодина всѣмъ извѣстны и всѣмъ доступны. Между тѣмъ, эти скрѣпы или связи цитатъ, дословно списанныя у г. Самоквасова, во очію доказываютъ, что г. Багалѣй для своихъ 112—115 страницъ даже не раскрывалъ указанныхъ пособій, а все свое изложеніе цѣликомъ списалъ у г. Самоквасова.

На стр. 115—119 авторъ говоритъ въ совершенно догматическомъ тонѣ (безъ всякихъ цитатъ) объ общественномъ строѣ Славяно-Русскихъ племенъ (стр. 119—122 — въ частности о Сѣверянахъ). На этихъ страницахъ г. Багалѣй говоритъ яко бы отъ себя, а въ сущности только излагаетъ этнографическую теорію г. Костомарова (высказанную въ его статьѣ: О федеративномъ началѣ древней Руси), въ большинствѣ случаевъ опять-таки списывая его соображенія дословно. Но, конечно, г. Багалѣй, по своему обыкновенію, ни словомъ не намекнулъ, откуда позаимствовалъ свои соображенія. Догматическій тонъ изложенія можетъ опять ввести читателя въ заблужденіе относительно автора соображеній, высказываемыхъ на стр. 115—119. Сдѣлаемъ и здѣсь иѣсколько сличеній.

Авторъ говоритъ сначала объ условіяхъ, которыя вели къ племенному различію:

Г. Багалѣй.

Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля «Полянъ», плодотворныя, но открытыя нападеніямъ ко-

Г. Костомаровъ.

Иныхъ занятій, иного образа жизни требовали поля, обитаемыя Полянами, плодотворныя, и въѣстъ открытыя

чевниковъ, нежели лѣса Древлянъ или болота Дреговичей. Иначе дѣйствовалъ на человека теплый и здоровый климатъ Уличей, чѣмъ холодный и сырой климатъ Кривичей. Благодаря громадности пространства, занятаго славянскими племенами, и затруднительности путей сообщенія, племена жили разнo. Да и трудно было жить иначе, когда одно отъ другаго отдѣляли дремучіе лѣса, непроходимыя болота и широкія степи (стр. 115) ¹⁾.

Историческія обстоятельства также не способствовали слитію и сглаженію племенныхъ особенностей, примѣромъ чего можетъ служить вліяніе, оказываемое кочевникамъ...

Стр. 116 и слѣд. все по статьѣ Н. И. Костомарова, по большей части дословно.

На стр. 118 изложены по г. Костомарову (въ большинствѣ случаевъ дословно) условія, ведшія Славяно-Русскія племена къ сближенію. Особенно характерно слѣдующее сопоставленіе:

Г. Багалъ.

Полянинъ могъ бы знать, что Печенѣгъ ему чужой, между тѣмъ какъ Вятичъ родной... Я говорю могъ бы, потому что очень часто они этого не сознавали.

Г. Костомаровъ.

Такъ въ древности, Полянинъ, встрѣчаясь съ Печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ тѣмъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а напротивъ есть съ Вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что Вятичъ ему родной . . .

¹⁾ Конецъ этого параграфа, у г. Багалъ:

На вліяніе географическихъ условій мѣстности указываетъ и сама лѣтопись: появленіе славянскихъ вѣтвей, ихъ обособленіе ставится лѣтописцемъ въ связь съ ихъ географическимъ распределеніемъ «разъидошася, говоритъ она по землѣ прозвашася имены своими, идѣ съдѣше на которомъ мѣстѣ». Самыя имена нѣкоторыхъ славянскихъ вѣтвей объясняются у лѣтописца *топически*: Поляне—«занеже въ полѣ сѣдаху», Древляне «зане сѣдоша въ лѣсахъ», Полочане—«рѣчки ради Полоты».

Барсовъ, Оч. Русск. Ист. Геогр. стр. 67.

Древнѣйшее преданіе о происшествіи Славянъ съ Дуная ставитъ въ связь появленіе славянскихъ вѣтвей именно съ географическимъ ихъ расселеніемъ: *разъидошася*, говоритъ оно, по землѣ и прозвашася имены своими, идѣ съдѣше на которомъ мѣстѣ. Самыя имена нѣкоторыхъ вѣтвей объясняются у лѣтописца *топически*: Поляне, или Поли—Занеже въ полѣ сѣдаху, Древляне зане сѣдоша въ лѣсахъ, Полочане — рѣчки ради Полоты.

Послѣ такого сличенія г. Багал'їи является уже болѣе чѣмъ ко-
мичнымъ...

Конѣцъ 3-й главы говоритъ о первоначальномъ распространеніи
христіанства среди Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей (стр. 122—124).
Это опять лишь частью пересказъ своими словами, частью простое
списываніе стр. 8—10 изъ сочиненія преосв. Филарета: Ист.-стат. опис.
Черниг. епархіи. Рѣчь идетъ объ условіяхъ, способствовавшихъ лег-
кому и быстрому распространенію христіанства въ Сѣверщинѣ:

Г. Багал'їи.

Водяныя сообщенія Кіева съ Чер-
ниговомъ по Деснѣ тоже способство-
вали этому. Когда Владиміръ Св. при-
нялъ новую вѣру, то постарался, ко-
нечно, ввести ее и въ Черниговской
область. «Нача ставити, гов. лѣто-
пись, церкви и поны, и люди на кре-
щеніе приводити по вѣсѣмъ градомъ». Хотя она и не опредѣляетъ, въ ка-
кихъ именно городахъ Св. Владиміръ
насаждалъ вѣру Христову, но само
собою разумѣется, что слова ея не
могутъ не относиться къ Чернигову,
ближайшему городу къ Кіеву. Во вре-
мя Св. Влад. христіанство распро-
странилось по Сѣверской землѣ въ та-
кой мѣрѣ, что тамъ понадобилось уже
открыть епархію. И она была откры-
та (стр. 123—124).

Пр. Филаретъ.

Водяныя сообщенія Кіева и Ол-
жичъ ¹⁾ сближали ихъ съ Черниговомъ...
Когда Владиміръ, единодержавный
князь всей Россіи, принялъ новую
святую вѣру, съ тѣмъ, чтобы была
о а вѣроу всей Россіи, Сѣверяне, зна-
комые съ новою вѣроу, безъ сомнѣнія,
замѣнили старую вѣру новою. Препод-
лѣтописецъ прямо и ясно говоритъ о
св. Владиміръ, что онъ «нача ставити
церкви и поны и люди на крещеніе
приводити по вѣсѣмъ градомъ и селомъ». Хотя онъ и не опредѣляетъ, въ какихъ
именно городахъ св. Владиміръ насаж-
далъ вѣру Христову, но само по себѣ
понятно, что слова лѣтописца не мо-
гутъ не относиться къ Чернигову—го-
роду, ближайшему къ столицѣ вели-
каго князя, Кіеву. Во время св. Влади-
міра христіанство распространилось
въ землѣ Сѣверской въ такой мѣрѣ,
что тамъ уже можно и нужно было
открыть епархію. И она была от-
крыта (стр. 10).

Имени пр. Филарета мы, конечно, на разобранныхъ страницахъ
у г. Багал'їи ни разу не встрѣчаемъ.

Также широко воспользовался г. Багал'їи трудомъ пр. Филарета
и въ 6-й (предпоследней) главѣ своего труда (стр. 280—292), когда
говоритъ объ исторіи Черниговской епархіи. И тѣмъ не менѣе г. Ба-
гал'їи, часто дословно списывая трудъ пр. Филарета, ни разу не упо-
мянулъ его имени при перечисленіи Черниговскихъ епископовъ. Пр. Фила-

¹⁾ Пр. Филаретъ предполагалъ, что Ольга могла въ своемъ городѣ Олжичъ,
на лѣвомъ берегу Днѣпра, выстроить храмъ.

реть пользовался такими рукописными источниками, которыхъ г. Багалѣй, конечно, и въ глаза не видѣлъ (синодики и святцы). А между тѣмъ г. Багалѣй дѣлаеть ссылки на эти источники; но при сличеніи со ссылками пр. Филарета оказывается, что г. Багалѣй лишь списалъ его цитаты дословно.

На сколько изложеніе г. Багалѣя часто близко и здѣсь къ изложенію пр. Филарета, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Г. Багалѣй, стр. 283.

9. Онуфрій посвященъ въ 1143 г.
Еще въ 1145 г. митр. Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей, удалился изъ Руси въ Царьградъ: тамъ въ это время происходили беспорядки и тревоги. Патріархъ Козьма за свое расположеніе къ уличенному богомилу Неофиту, низведенъ былъ съ кафедры, которая оставалась праздною до 1147 г. Такимъ неустройствомъ задумалъ воспользоваться Изяславъ...

Пр. Филаретъ, стр. 16.

9. Онуфрій посвященъ въ епископа въ 1143 г... Въ 1146 г. Михаилъ, тяготясь междоусобіями князей, удалился изъ Россіи... Въ Константинополѣ и прежде того и теперь происходили беспорядки и тревоги. П. Козма за то, что оказывалъ любовь къ уличенному богомилу Неофиту, низведенъ былъ съ кафедры, и до декабря 1147 г. патріаршая кафедра оставалась праздною. При такихъ неустройствахъ вел. кн. Изяславъ рѣшился слѣдовать примѣру Ярослава....

О епископѣ Теокистѣ:

Г. Багалѣй, стр. 282.

Въ рукописныхъ святцахъ и въ канонѣ кievскимъ святымъ Теокистъ поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители.

Пр. Филаретъ, стр. 15.

По ркп., святцамъ и въ канонѣ Кіевскимъ святымъ онъ (Теокистъ) поставленъ въ числѣ святыхъ Печерской обители.

Къ этому мѣсту г. Багалѣй дѣлаеть ссылку:

г. Багалѣй, ib. пр. 2.

Ркп. святцы въ опис. кiev. святыхъ: святей Теокистъ, епископъ Черниговскій, бысть въ лѣто 6597 (это годъ исцѣленія Никиты). Въ канонѣ кievскимъ св. Мелетій Сиринъ послѣ Ефрема молить іерарха Теокиста. Акаѣисты. К. 1674.

Пр. Филаретъ, стр. 15, пр. 25.

Ркп. святцы въ опис. Кіев. святыхъ. «Святей Теокистъ, епископъ Черниговскій бысть въ л. 6597—1189 «Это годъ исцѣленія Никиты. Въ канонѣ кievскимъ святымъ Мелетій, Сиринъ, послѣ Ефрема, молить іерарха Теокиста. Акаѣисты К. 1674 г. !!

Мы увѣрены, что г. Багалѣй пришелъ бы въ великое смущеніе, еслибы мы попросили его отвѣтить, какой Никита подразумѣвается въ приведенной имъ цитатѣ, и что это за составитель канонѣвъ, котораго г. Багалѣй называлъ Стригомъ?

Но наиболѣе разительный примѣръ того безцеремоннаго отношенія,

съ которымъ г. Багал'й обращается съ трудомъ пр. Филарета, выдавая его мысли, его соображенія за свои, представляетъ изслѣдованіе г. Багал'я о епископѣ Порфиріѣ II:

Г. Багал'й, стр. 286.

13. Порфирій II. Точныхъ указаній на существованіе этого епископа мы не имѣемъ, но приходимъ къ такому заключенію на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ соображеній.

Имя еп. Порфирія упоминается лѣтописью на протяженіи 62 лѣтъ: сначала подъ 1177, потомъ подъ 1187, 1230 г., наконецъ, 1239; на самомъ дѣлѣ этотъ періодъ нужно признать еще болѣе продолжительнымъ, ибо предшественникъ Порфирія Антоній былъ изгнанъ изъ своей епархіи въ 1169, и нѣтъ никакого вѣроятія думать, чтобы онъ послѣ того былъ призванъ обратно; Порфирій, слѣдовательно, долженъ былъ занять его мѣсто между 1169 и 1177 г.

И списавъ соображенія пр. Филарета, г. Багал'й еще имѣетъ смѣлость заявлять, что онъ „приходитъ къ заключенію“!

Перечисленіе и краткая исторія древнѣйшей судьбы церквей и монастырей Сѣверской земли сдѣланы у г. Багал'я главнымъ образомъ на основаніи опять-таки труда пр. Филарета и статейки г. Маркова (къ слову сказать, для древняго періода Чернигова нигде негодной) ¹⁾.

Кромѣ исторіи Черниговской епархіи, 6-я глава сочиненія г. Багал'я содержитъ въ себѣ еще краткое повтореніе главы 5-й (очерка внѣшней исторіи Сѣверской земли до половины XIII столѣтія) (стр. 268—280), очерки промышленности, монетной системы и просвѣщенія у Сѣверянъ (стр. 292—301).

Въ отдѣлѣ о монетной системѣ Сѣверской земли г. Багал'й, по своему обыкновенію, начинаетъ аб ово, съ изложенія общеизвѣстныхъ данныхъ о древне-русскомъ монетномъ дѣлѣ (по статьѣ А. А. Куника о русско-

¹⁾ Не понимаемъ, для чего эту статью понадобилось недавно перепечатать въ прежнемъ ся видѣ (перепечатано съ единственно сохранившагося въ Черниговѣ экземпляра). Черниговъ, 1882.

визант. монетахъ), но конечно, „мы“ фигурируетъ и здѣсь: „мы должны будемъ прійти къ заключенію“), а затѣмъ описываетъ найденную близъ Чернигова золотую шейную гривну и два слова о гривнахъ, найденныхъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи, которыя онъ считаетъ гривнами сѣверскаго типа.

Въ отдѣлѣ о просвѣщеніи перечисляются нѣкоторыя литературныя произведенія, принадлежащія Сѣверской землѣ (Хожденіе игумена Даниила въ Царьградъ, проповѣдь, напечатанная Погодинымъ; передаются соображенія К. Н. Бестужева-Рюмина о Черниговской лѣтописи; наконецъ, проглядываетъ, хотя и робко, желаніе автора считать принадлежащимъ Сѣверской землѣ и Слово о Полку Игоревѣ).

Перейдемъ теперь къ двумъ послѣднимъ главамъ сочиненія г. Багалѣя, трактующимъ о колонизаціи Сѣверской земли (гл. I. Географія и колонизація Сѣверской земли до второй половины XI в. и гл. IV—Географія и колонизація Сѣверской земли отъ половины XI до половины XIII в.).

Въ 1-й главѣ г. Багалѣй начинаетъ съ критики лѣтописнаго извѣстія, выводящаго Сѣверянъ съ Дуная. Г. Багалѣй приводитъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ (Гедеонова, Куника), опровергающихъ это лѣтописное извѣстіе, и склоняется къ мнѣнію, признающему Сѣверянъ автохтонами той мѣстности, среди которой мы ихъ застаемъ въ историческую эпоху, и приводитъ (изъ Шафарика) свидѣтельства Гвидона Равеннскаго о Сварикахъ, географа Баварскаго о Свиринахъ, затѣмъ (страненъ здѣсь хронологическій порядокъ г. Багалѣя) Птолемея о Саварахъ и Невтингерова обозначеніе страны въ окрестности Дона—Sa u r i s a. Послѣднему извѣстію авторъ придаетъ особенное значеніе въ виду того, что и арабскіе писатели говорятъ о многочисленномъ населеніи въ Хозаріи. Мы не станемъ разбирать эту гипотезу; укажемъ только на то, что свидѣтельства Гвидона Равеннскаго и географа Баварскаго, если они относятся къ Сѣверянамъ, ничего не прибавляютъ къ тому, что намъ извѣстно изъ лѣтописи, ибо писатели эти жили уже въ IX в., а къ этому времени и наша лѣтопись помѣщаетъ Сѣверянъ уже на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Но что касается извѣстій болѣе раннихъ (Птолемея), то къ нимъ слѣдуетъ относиться крайне осторожно. Дѣло въ томъ, что какъ козевыя орды, покоряя одна другую, сообщаютъ покореннымъ свое племенное названіе (см. объ этомъ статью Н. И. Веселовскаго: Къ вопросу о Гуннахъ въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1882 г., июль), такъ и племена Русскихъ Славянъ, вслѣдствіе подобныхъ же причинъ, мѣ-

няли племенные названія. Названіе Славянъ Кіевскихъ Полянъ очень рано исчезло и смѣнилось названіемъ Руси. На мѣсто племеннаго имени обширной вѣтви сѣверныхъ Славянъ; Кривичей, мы въ X вѣкѣ уже застаемъ нѣсколько названій, исходящихъ отъ тѣхъ городскихъ центровъ, возлѣ которыхъ сгруппировались отдѣльныя части этой вѣтви (Полочане, Смольняне, быть можетъ, Новгородцы и даже Сѣверяне), а названіе Кривичи исчезло. Точно также обитатели земли Волинской назывались прежде Дулѣбами, Бужанами, а потомъ Воляннами, и нѣкоторые изъ этихъ названій, какъ кажется, появились вслѣдствіе возвышенія одной городской общины надъ другими (извѣстны города Волинь и Бужскъ).

Высказавъ мысль о древнемъ поселеніи Сѣверянъ въ занимаемой ими въ историческое время мѣстности, г. Багалѣй переходитъ къ болѣе точному опредѣленію той мѣстности, которую занимали Сѣверяне, Радимичи и Вятичи во времена лѣтописца.

Сначала г. Багалѣй много (стр. 11—12) говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляетъ для изслѣдователя опредѣленіе границъ тѣхъ мѣстностей, кои занимали Сѣверяне, конечно—съ цѣлію придать большую цѣну тѣмъ своимъ результатамъ, требовавшимъ преодоленія такой массы затрудненій. Интересно сопоставить перечисленіе этихъ трудностей у г. Багалѣя съ такимъ же перечисленіемъ ихъ у г. Барсова въ отдѣлѣ о сѣверской колонизаціи (Оч. русск. истор. геогр., 126—127).

Съ одной стороны, приходившіе постоянно въ южную Русь кочевники занимали огромныя степныя пространства и не позволяли (въ силу своего кочеваго быта) установиться въ ней какой-нибудь опредѣленной границѣ:

Г. Багалѣй.

Съ тѣхъ поръ, какъ помнитъ себя южная Русь, можетъ она назвать то Печенѣговъ, то Торковъ и Берендѣевъ, то Татаръ, которые ей мѣшали свободно развиваться тѣмъ путемъ, какимъ шли другія славяно-русскія вѣтви. Такимъ образомъ становится вполне понятнымъ, почему дѣятельность Сѣверянъ, равно какъ и ихъ сосѣдей Радимичей и Вятичей по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей была ничтожна въ сравненіи съ дѣятельностію другихъ славянскихъ племенъ (стр. 11).

Г. Барсовъ, стр. 127.

Въ то же время неустойчивость и слабость населенія, зависимость отъ азіяцевъ не позволяли юго-вост. Славянству развиваться свободно тѣмъ путемъ, какимъ шли другія Славяно-Русскія вѣтви... Ихъ (Сѣверянъ, Вятичей и Радимичей) взаимныя отношенія были опредѣлены слабо и ихъ дѣятельность по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей какъ соплеменныхъ, такъ и инородческихъ, была, кажется, ничтожною въ сравненіи съ такою же дѣятельностію Славянъ на Западѣ.

Другая трудность изслѣдованія распространенія Сѣверянъ—отсутствіе мѣстной сѣверской лѣтописи и характеръ лѣтописи начальной, въ которой главное вниманіе обращено на событія кіевскія:

Г. Багалъй,

Начальная лѣтопись, хотя по видимому и носитъ на себѣ характеръ извѣстной общности... тѣмъ не менѣе въ ней главнымъ образомъ обращено вниманіе на кіевскія событія; и это понятно: авторъ ея былъ Кіевлянинъ, и потому естественно зналъ ихъ лучше всѣхъ остальныхъ; о событіяхъ въ другихъ земляхъ онъ говоритъ въ общихъ чертахъ, при случаѣ (стр. 11).

Г. Барсовъ, стр. 126.

«При всей общности ея (начальной лѣтописи) характера, все-таки очевидно, что она возникла въ Кіевѣ, и что составитель ея гораздо ближе и съ большими подробностями зналъ событія, совершавшіяся въ Кіевской Руси, чѣмъ въ другихъ краяхъ молодого государства... свѣдѣнія о жизни въ другихъ частяхъ Руси доходили до него только въ общихъ частяхъ и въ такомъ видѣ заносились въ лѣтопись.

Итакъ, трудности изслѣдованія колонизаціи Сѣверянъ весьма велики. Но, говоритъ неутомимый и неустрашимый изслѣдователь,— „постараемся, однако, опредѣлить, хотя приблизительно, мѣстность, занятую этими племенами въ періодъ времени отъ IX в. до смерти Ярослава“ (стр. 12).

Какъ же старается г. Багалъй? Какой методъ употребляетъ онъ для преодоленія указанныхъ имъ затрудненій?

Методъ, которымъ г. Багалъй блистательно побѣждаетъ всѣ препятствія и хотя приблизительно опредѣляетъ колонизацію Сѣверянъ, поражаетъ своею архаическою простотою, удивительною смѣлостью и навѣрное оставилъ бы за изслѣдователемъ имя замѣчательнаго изобрѣтателя въ наукѣ, еслибы, къ сожалѣнію, этимъ самымъ методомъ съ успѣхомъ не пользовались изрѣдка и другіе, впрочемъ столь же знаменитые ученые. Этотъ методъ, весьма рѣзкія проявленія котораго мы видимъ уже на всемъ протяженіи сочиненія г. Багалъя, но настоящую цѣну и апогей котораго находимъ въ разбираемыхъ теперь двухъ главахъ, состоитъ опять-таки въ полномъ отождествленіи своего научнаго сознанія съ сознаніемъ своихъ почтенныхъ предшественниковъ. Въ данномъ случаѣ такими предшественниками явились г. Барсовъ и отчасти Срезневскій и Брунтъ. Но наиболѣе симпатичнымъ кочевому сознанію г. Багалъя явился г. Барсовъ, и г. Багалъй удостоилъ его дословнымъ перенесеніемъ на страницы своего труда цѣлыхъ 25 страницъ труда г. Барсова (125—151).

Такой почтенный методъ требуетъ внимательнаго изученія, а по-

тому просимъ у читателя, въ интересахъ науки, извиненія, если нѣсколько утомимъ его подробнымъ изложеньемъ Багалѣвскаго метода.

Г. Багалѣй.

...Сѣверяне должны были занимать бассейны Десны, притока ея Сейма и притока Днѣпра, Сулы. На западѣ Сѣверяне граничили съ Полянами; на сѣв.-зап., между Припятью и Днѣпромъ — съ Кривячами; на сѣв.—Радимичами, жившими по р. Сожѣ, притоку Днѣпра; на сѣв.-вост.—съ Вятичами, жившими по верховьямъ р. Оки, на юго-вост. и югѣ съ различными степняками (стр. 12).

«На сѣв. въ верховьяхъ Десны сѣверянскія поселенія простирались между землями Радимичей и Вятичей... Какъ передовыя поселенія Сѣверянъ здѣсь выступали города: *Брянскъ, Карачевъ, Болдыжъ лѣсъ* (теперь село Болдыжъ Орл. губ. у гор. Дмитровска); *Домановъ*; а въ теперешнихъ Дмитровскомъ и Карачевскомъ уѣздахъ Орловской губ. цѣлый рядъ городищ: *Криво-Городище* на Кромѣ, лѣвомъ притоцѣ Оки, *Водоцкое Городище* въ южной части Карачевского уѣзда, *Верхній и Нижній Городи* къ зап. отъ городища Водоцкаго» (стр. 13).

«Крайнія поселенія Сѣверянъ на востокъ и юго-востокъ простирались по Сейму, какъ объ этомъ свидѣтельствуеъ лѣтописъ; по эти поселенія безъ всякаго сомнѣнія путемъ колонизаціи расширялись на востокъ и юго-востокъ, по Сѣверскому Донцу, притоку Дона и даже по Дону и Волгѣ... (стр. 13).

Г. Барсовъ, стр. 128.

...Область Сѣверянъ... простиралась по Деснѣ, Семи (Сейму) и Сулѣ, слѣд. она прилежала въ западѣ къ Полянской и Брянской землямъ, въ сѣв. къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ на сѣв. вост. къ поосскому населенію Вятичей, представляя на юго-вост. и югѣ славяно-русскую Украину съ кочевьями азійскихъ выходцевъ.

«*По сѣв. по Деснѣ Сѣверянскія поселенія простирались между Радимичами и Вятичами...* могутъ быть отнесены къ области Сѣверскихъ заселеній. *Болдыжъ лѣсъ...* тамъ гдѣ теперь называется село Болдыжъ у г. Дмитровска Орл. губ., *Карачевъ, Домановъ, Добрянскъ (Брянскъ), Вшижъ* на Деснѣ въ 40 в. выше Брянска (послѣдній проглядѣтъ г. Багалѣй). Здѣсь на этомъ водораздѣлѣ, въ холмистой и лѣсной мѣстности по вост. границамъ теперешнихъ Дмитровскаго и Карачевского унзд. замыкаются теперь городища: *Криво-Городище на Кромѣ, лѣвомъ притоцѣ Оки, Водоцкое Городище* въ южной части Карачевского унзда, *Верхній и Нижній Городи* по дорогѣ изъ Сѣвска въ Карачевъ, къ зап. отъ городища Водоцкаго» (стр. 129).

Стр. 129. *Юго-вост. расселенія Сѣверянъ или по Семи (Сейму)...* Здѣсь только указываетъ изъ лѣтописъ, но есть много оснований думать, что они простирались даже въ эпоху образованія Русскаго государства гораздо дальше на вост. и юго-вост., въ область Сѣвернаго Донца... и въ область самаго Дона...

«На югѣ границу Сѣверянъ лѣтописъ указываетъ р. Сулу. *Вѣроятно*, и здѣсь граница шла гораздо южнѣе, но мѣстное славянское населеніе при-
нуждено было отступать передъ наплывомъ степныхъ варваровъ» (стр. 14).

Радимичи жили по Сожи... Но *кажется*, область Сожи ими была занята не вся. Въ южной части ея радимичскія поселенія могли сходиться съ кривичскими съ одной стороны, а съ сѣверскими съ другой. На волокъ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, мы видимъ (въ сѣверн. углу Рѣчицкаго у.) Кривень на р. Узѣ и близъ него Радѣевъ. Далѣе на сѣв. (тепер. у. Старобыховскомъ, Чаускомъ и Черняковскомъ) вовсе не замѣтно радимичскихъ названій (исключая *Радими* на р. Пронѣ)... и т. д. дословно (стр. 14).

«Вятичи ушли по р. Оку; конечно, всей Оки они занимать не могли, такъ какъ на той же рѣкѣ въ нижнемъ ея теченіи лѣтописъ помѣщаетъ Финское племя Мурому... Для болѣе точнаго обозначенія рубежей земли Вятичей можетъ до нѣкоторой степени служить позднѣйшій (XII в.) фактъ — походъ Изяслава Мстиславича на Святослава Ольговича въ 1146 г. Крайнимъ Черниговскимъ городомъ, не входившимъ въ составъ земли Вятичей, былъ Дѣбрянскъ, ближайшимъ Вятичскимъ городомъ къ Сѣверянамъ является *Козельскъ* на Жиздрѣ притокѣ Оки. Такимъ образомъ водораздѣлъ между Деснянскими притоками: Перусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окекимъ притокомъ Жиздрой съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ Вятичей... и т. д. дословно.

Стр. 132. Къ концу X в. мы застаемъ ихъ окраины на Сулѣ р., но если и здѣсь славянское населеніе было также *принуждено постепенно отступать къ сѣв. передъ наплывомъ степныхъ инородцевъ*, какъ то было на зап. сторонѣ Днѣпра, то необходимо допустить, что ихъ первоначальная поселенія заходили гораздо далѣе на югъ.

Радимичи по Сожи (стр. 132). Какъ *кажется* однако, область Сожи... была занята ими не вся. Въ южной части ея Радимичскія поселенія могли сходиться съ Кривичскими съ одной стороны и съ Сѣверскими съ другой. На волокъ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра, мы видимъ (въ сѣверномъ углу Рѣчицкаго уѣзда) Кривскъ на р. Узѣ и близъ него Радѣевъ... Далѣе на сѣверъ (въ тепер. уѣздахъ Старобыховскомъ, Чаускомъ и Черняковскомъ) вовсе не замѣтно Радимичскихъ наименованій за исключеніемъ *Радими* на р. Пронѣ (стр. 133—134).

Вятичи. Ихъ географическое положеніе лѣтописъ опредѣляетъ Окою; по и это опредѣленіе ... можно понимать только какъ приблизительное и общее, ибо по свидѣтельству этнографическаго введенія той же лѣтописи, еще въ ея время нижнее теченіе Оки... сидѣло Финское племя Муромы.... Изъ похода Изяслава Мстиславича Кіевского на Святослава Ольговича въ 1146 г. видно, что въ то время крайними Черниговскими городами, *не входившими въ составъ Вятичей*, были Карачевъ и Дѣбрянскъ... ближайшимъ къ нимъ Вятичскимъ городомъ является *Козельскъ* на Окекомъ притоку Жиздры... такъ что лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между Деснянскими притоками Перусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окекимъ притокомъ Жиздрой съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ земли Вятичей» (стр. 135).

Частью перескажъ, но больше дословныя выписки изъ сочиненія г. Барсова представляютъ въ этой главѣ еще стр. 20—22 и 29—32.

Переносъ цѣлыхъ страницы изложенія г. Барсова въ свое сочиненіе, г. Багалъй пользуется и отдѣльными его соображеніями, съ рѣдкою смѣлостью, чтобы не сказать болѣе, приписывая ихъ себѣ. Такова, напримѣръ, гипотеза г. Багалъя о связи Тмуторокани съ Сѣверщиной, связи, основанной на племенномъ единствѣ той и другой области: „По нашему мнѣнію“, говоритъ г. Багалъй (стр. 26), — „основаніе Тмутаракани нужно поставить въ связь съ колонизаціоннымъ движеніемъ Сѣверянъ на юго-востокъ и югъ... Самое главное, что говорить въ пользу нашего мнѣнія — это постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ и зависимость отъ Черниговскихъ князей, которая и на Руси признавалась дѣломъ законнымъ“ (стр. 28). Это мнѣніе г. Багалъя получаетъ истинно-комичную окраску, если сравнить съ нимъ то, что говорить о связи Тмутаракани съ Черниговомъ г. Барсовъ (стр. 131): „Постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ, зависимость ея отъ Черниговскихъ князей, которая признавалась на Руси дѣломъ законнымъ и безспорнымъ, могла основываться только на племенномъ или земельномъ сродствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья и заставляеть видѣть въ славянскомъ населеніи этого края развѣтвленіе Сѣверянъ“.

Въ промежуткахъ между снимками съ труда г. Барсова, г. Багалъй сдѣлалъ честь подобнаго же вѣрнаго свѣтка и покойному Срезневскому. Такъ изъ его статьи „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV в.“ (Изв. Имп. А.к. Н., т. VIII) г. Багалъй занимствовалъ 4 страницы своей 1-й главы (стр. 16—20). Дѣло идетъ о южныхъ и юго-восточныхъ поселеніяхъ Сѣверянъ, которые, по Срезневскому, доходили до Сѣверскаго Донца и Дона. Срезневскій въ указанной статьѣ доказываетъ это главнымъ образомъ русскими названіями южныхъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ съ лѣвой, „ратной“, его стороны, въ Донецъ, Донъ и Азовское море. Перечисленіе этихъ рѣкъ, какъ видно изъ сличенія, г. Багалъй цѣликомъ позаимствовалъ у Срезневскаго со всѣми его цитатами и только потрудился перевести цитаты Срезневскаго изъ стараго изданія лѣтописи на новое, руководствуясь приложеннымъ къ новому изданію Ипатіевской лѣтописи указателемъ. Интересно при этомъ, что г. Багалъй до того рабски слѣдуетъ цитатамъ Срезневскаго, что, переведя ихъ на новое изданіе Ипатіевской лѣтописи, не осмѣлился увеличить число цитатъ, хотя легко могъ это сдѣлать

по тому же указателю: это и доказываетъ, что г. Багал'йи приводитъ цитаты, исключительно изъ статьи Срезневскаго ¹⁾).

Мы видѣли, какимъ образомъ пользовался г. Багал'йи трудомъ г. Барсова во 2-й главѣ своего труда: онъ изрѣдка передаетъ своими словами его изложеніе, но по большей части снимаетъ съ его труда дословный списокъ. Но въ 4-й главѣ даже такой неутомимый изслѣдователь, какъ г. Багал'йи, почувствовалъ усталость и рѣшительно отказался отъ перваго приѣма, требующаго извѣстнаго умственнаго напряженія. Онъ рѣшилъ дать себѣ отдыхъ передъ длинною 5-й главой, въ которой ему пришлось заняться нелегкимъ дѣломъ перевода лѣтописи на современный русскій языкъ, и всецѣло замѣнилъ умственную работу физическою. Поэтому-то онъ и занялся въ этой главѣ преимущественно точною копіей изложенія г. Барсова. Мы опять принуждены просить у читателя извиненія за длинныя параллельныя выписки, но мы желаемъ во-очію показать ему, что наша рекомендація г. Багал'йи какъ копіиста, ревниво оберегающаго точность своего списка, не голословна.

Въ этой (IV-й) главѣ г. Багал'йи начинаетъ съ опредѣленія границъ Переяславскаго княжества:

Г. Багал'йи.

«Переяславское княжество занимало область по р. Трубежу, Суною и Сулѣ до Ворсклы; на сѣв. и сѣв.-вост. оно простиралось до водораздѣла этихъ рѣкъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны и Сѣверскаго Донца съ другой....» (стр. 124).

«Чтобы защитить себя отъ дикихъ Половцевъ, русскіе князья стали селить на порубежьяхъ тѣхъ изъ кочевниковъ, которые были склонны къ осѣдлости и признавали свою зависп-

Г. Барсовъ, стр. 139.

«Переяславское княженіе занимало область по Трубежу, Суною и Сулѣ до Ворсклы, простираясь на сѣв. и сѣв.-вост. до верховьевъ этихъ рѣкъ, до водораздѣла ихъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны и Сѣвернаго Донца съ другой.

Стр. 140... Русь поняла необходимость ограждать свои степныя побережья отъ дикихъ кочевниковъ тѣми изъ ихъ сородичей, которые начинали привыкать къ осѣдлости и находили вы-

¹⁾ Характерно сличеніе слѣдующей ссылки:

Г. Багал'йи (стр. 17, прим. 5).

«Приведе Олегъ и Борисъ поганый на Руськую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ изиде противу има на Съжичѣ. П. С. Р. Л., г. I, стр. 8. Карамзинъ думалъ читать тутъ «Оржицѣ».

Срезневскій (стр. 317).

Оржица. Лавр. 85. 1078. Приведе Олегъ и Борисъ поганый на Руськую землю и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ изиде противу има на Съжичѣ. Карамзинъ думалъ читать тутъ Оржицѣ.

мость отъ русскихъ князей. Такъ, на южномъ побережьи Переяславскаго княжества поселились переяславскіе Торки; по указаніямъ XII в., они занимали область въ окрестностяхъ Баруча, лежаваго близъ городовъ Бронь-Княжа, Нежатины, Городка и Серебрянаго.... Благодаря этому живому оплоту съ одной стороны и энергической дѣятельности Мономаха съ другой, кочевники къ концу XI в. уже не заходили теперь такъ далеко, какъ прежде, не заходя далѣе побережьевъ *сѣвернаго* ¹⁾ Удая; дѣйствительно, въ это время только два раза Половцы подходили къ Переяславлю въ 1096 г., когда половецкій ханъ Куря сжегъ Устье (вѣроятно Трубежа) и въ 1107 г. Когда Бонякъ захватилъ коней у самаго Переяславля. По Удаю и Сулѣ мы видимъ цѣлый рядъ укрѣпленій, возобновленныхъ или поставленныхъ Мономахомъ, таковы по Сулѣ — Роменъ....

тоднымъ признавать себя въ зависимости отъ русскихъ князей... Известны Торки, поселившіеся на лѣвой сторонѣ Днѣпра и признававшіе надъ собою власть Переяславскаго князя. По указаніямъ XII в. они занимали область въ окрестностяхъ Баруча, города, лежаваго близъ городовъ Бронь-Княжа, Нежатины, Городка и Серебрянаго... Благодаря этому живому оплоту на южномъ порубежьи Переяславскаго княженія, по болѣе всего энергической дѣятельности Мономаха, къ концу XI в. кочевники были принуждены ограничить свои опустошительные набѣги областью Сулы, не заходя сѣвернѣе побережьевъ Средняго Удая. Въ это время Переяславцы только два раза видѣли нападеніе ихъ на окрестности своего города, въ 1096 г., когда Половецкій ханъ Куря сжегъ Устье, по всей вѣроятности Трубежа, и въ 1107 г., когда знаменитый Бонякъ захватилъ коней у самаго Переяславля. По Удаю и Сулѣ мы видимъ рядъ укрѣпленій, которыя или были возобновлены или вновь поставлены Мономахомъ. Таковы были по Сулѣ—Роменъ....

и т. д. до конца страницы.

Г. Багалъй.

«Что касается юго-вост. и вост. границы Переяславскаго княжества, то она очевидно заходила гораздо дальне за область Сулы, захватывая не только верхнее теченіе этой рѣки, но и Псела, Голтвы, а можетъ быть и Ворсклы: такъ здѣсь мы видимъ два города Римова и Старую Бѣловежу... (стр. 126—127).

Г. Барсовъ, стр. 141.

Что касается юго-вост. и вост. рубежей Переяславскаго княженія, то они очевидно заходили гораздо далѣе за область Сулы, захватывая верхнее теченіе не только этой рѣки, но и Псела, Голтвы, и можетъ быть Ворсклы... Начальная лѣтписиъ называетъ здѣсь только два города: Старую Бѣловежу и Римова...

и т. д. до конца страницы.

Г. Багалъй.

На сѣв.-вост. рубежъ долженъ былъ проходить первоначально у сближаю-

Г. Барсовъ, стр. 142.

На сѣверо-востокъ Переяславскій рубежъ долженъ былъ проходить первонач-

¹⁾ Тутъ г. Багалъй сдѣлалъ здѣсь опечатку: у г. Барсова *средняго*.

щихся между собою верховьях Ворсклы, Псела и Сулы по водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ, принадлежавшимъ Черниговскому княжеству, и Переяславскимъ княжествомъ шло Поле; здѣсь въ XII в. мы видимъ порубежныя укрѣпленія—Попашъ и Вяхань; въ концѣ XI в. въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами, къ Переяславскому княжеству принадлежала также область лѣваго притока Сейма, *Выря* съ городомъ *Выремъ* или *Выревымъ*.. но *Вырь* стоялъ въ естественной связи съ Посемьемъ, которое тянуло къ Черниговскому княжеству.... (стр. 128).

«Рубежъ Чернигово-Переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Осетромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу давалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ пунктомъ городъ Курскъ, впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княжества. Начальная лѣтопись не сообщаетъ объ его области никакихъ географическихъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что уже и въ это время къ нему тянули всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составили Курское княжество. Юго-вост. окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхнимъ теченіемъ Сѣверскаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича въ 1185 г. на Половцевъ лѣтопись говоритъ, что онъ, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго изъ Курска, на Осколъ; очевидно, слѣдовательно, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ

чально у сближающихся между собою верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы, по холмистому водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ и Переяславскими владѣніями простиралось Поле. Здѣсь въ XII вѣкѣ мы видимъ значительныя порубежныя городки-укрѣпленія Попашъ и Вяхань. Но въ концѣ XI вѣка, въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами къ Переяславскому княжеству принадлежала также область лѣваго притока Сейма, *Выря* съ городомъ *Выремъ* или *Выревымъ*, которая стоитъ однако въ естественной связи съ Посемьемъ и потому должна была первоначально принадлежать къ этой окраинѣ Черниговскаго княженія...

Стр. 147. Рубежъ Чернигово-Переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Осетромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Посульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу придавалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ пунктомъ городъ Курскъ, впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княжества. Лѣтопись не сообщаетъ относительно его области никакихъ географическихъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что уже и въ это время къ нему тянули всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составляли Курское княженіе. Именно юго-восточныя окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхними теченіями Сѣвернаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича на Половцевъ 1185 лѣтопись говоритъ, что князь, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго другимъ путемъ изъ Курска, на Осколъ; явный знакъ, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ враждебныхъ ко-

враждебных кочевниковъ; доказательствомъ этого можетъ служить Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ войскъ черезъ холмистый Довецко - Оскольскій водораздѣлъ, восклицаетъ: «о русская земле уже за шеломянемъ еси....»

чепниковъ. Подтверженіемъ такому предположенію представляеть Слово о Полку Игоревѣ, идѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ войскъ черезъ холмистый водораздѣлъ, Довецко - Оскольскій восклицаетъ: «О Русская земле уже за шеломянемъ еси....»

и т. д. все отъ стр. 130 по 132 въ сочиненіи г. Багалѣя представляетъ точнѣйшій списокъ со стр. 147—149 сочиненія г. Барсова, безъ пропуска хотя бы единого слова или малѣйшей запятой.

Не станемъ продолжать выписокъ, которыя и безъ того слишкомъ обременили нашу статью. Замѣтимъ только, что все въ 4-й главѣ отъ стр. 124 по 132 и даже дальше, представляетъ лишь дословный, рѣдкій по точности и исправности списокъ соответственныхъ мѣстъ труда г. Барсова, при чемъ лишь изрѣдка г. Багалѣй переставляетъ отдѣльные параграфы труда г. Барсова. Живи г. Багалѣй въ средніе вѣка, его искусство снимать рѣдкіе по точности и вѣрности снимки съ чужихъ трудовъ приобрѣло бы ему почетное мѣсто среди цѣлѣугодныхъ копистовъ; впрочемъ, и теперь труды его удостоились ученаго одобренія.

Обязанный г. Барсову цѣлыми двумя главами своей „исторической монографіи“, г. Багалѣй однако высказываетъ по отношенію къ нему самую черную неблагодарность. Два раза онъ пытается критически отнестись къ отдѣльнымъ воззрѣніямъ г. Барсова, и оба раза доказываетъ лишь собственную небрежность и поразительную беззащитность. Такъ, въ прим. 6 на стр. 126 г. Багалѣй не соглашается съ г. Барсовымъ относительно положенія г. Баруча: „Г. Барсовъ, думаетъ, основывался на сосѣднихъ городахъ, перечисленныхъ нами (выше мы приводили какъ разъ соответственное этому мѣсту сличеніе словъ г. Багалѣя и г. Барсова, и видѣли, какое право имѣлъ г. Багалѣй говорить здѣсь мы), что Баручъ находился въ сѣверной части Прилукскаго, или въ южной части Нѣжинскаго уѣзда. Кажется, что вѣрнѣе будетъ предположеніе Арцыбашева, потому что нынѣшній Борисполь не представляетъ изъ себя украинскаго города, а лежитъ на срединѣ пути изъ Переяславля въ Кіевъ, между тѣмъ какъ Барышевка лежитъ южнѣе Переяславля, то-есть, на рубежѣ земли Русской съ землею Половецкою“. Тутъ все отъ перваго до послѣдняго слова невѣрно и доказываетъ только полное незнакомство г. Багалѣя съ географіей Полтавской губерніи. Стоило ему только взглянуть на карту этой послѣдней, и онъ

увидѣлъ бы, что Барышевка лежитъ верстъ на 30 сѣвернѣе Переяславля.

Еще болѣе поразительна, но уже съ другой стороны, вторая попытка г. Багалѣя критики словъ г. Барсова. Говоря о положеніи Бѣловежи на стр. 127 (мы выше указывали, что вся эта страница отъ перваго слова до послѣдняго списана у г. Барсова), г. Багалѣй замѣчаетъ: „Положеніе старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но ея не нужно смѣшивать съ Бѣловѣжей Черниговскою, какъ это дѣлаетъ г. Барсовъ“. Между тѣмъ г. Барсовъ (Ист. Геогр., стр. 142) именно и говоритъ (да и самъ г. Багалѣй повторяетъ эти его слова): „Положеніе старой Бѣловѣжи опредѣлить нельзя; но во всякомъ случаѣ ся не слѣдуетъ смѣшивать съ черниговскимъ городомъ Бѣлою Вѣжею!“ Это уже что называется „за мое жито, та мене й побито“.

Такими удачными оказываются двѣ единственные попытки г. Багалѣя отнестись критически къ словамъ г. Барсова!

Мы кончили разборъ „исторической монографіи“ г. Багалѣя.

Въ результатѣ нашихъ наблюденій надъ составомъ этого ученаго труда оказываются слѣдующіе выводы: 1) болѣе ста страницъ въ этомъ ученомъ изслѣдованіи (вся 3-я глава, 1-я и 4-я, большая часть 6-й и 7-й) представляютъ прекрасный по точности снимокъ съ весьма ограниченаго числа общезвѣстныхъ пособій; 2) болѣе 100 страницъ (вся глава 5-я) представляетъ переводъ лѣтописи на современный русскій языкъ; 3) остальные страницы ученой работы г. Багалѣя пошли на связки и скрѣпы двухъ первыхъ осново-источниковъ.

И за этотъ-то вопіющій литературный плагиатъ, въ которомъ автору принадлежитъ только механическій трудъ списыванія, историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра не только присудилъ золотую медаль и денежную премію, но и далъ двѣ ученыя степени—кандидата и магистра!

Въ заключеніе нѣсколько словъ г. Багалѣю. Не смотря на бьющую въ глаза очевидность нашей оцѣнки его труда (каждое свое положеніе мы подтвердили документально), мы не надѣемся убѣдить его самаго, ибо кто разъ уже пошелъ по тому пути, на который вступилъ г. Багалѣй, тотъ рѣдко съ него сходитъ. Но во всякомъ случаѣ г. Багалѣй долженъ признать ту деликатность, съ которою мы выбрали время для нашей рецензіи.

